

**М.И. Артеменко**

**Кавалер Георгиевского оружия**

**Василий Осипянц**

**Москва, 2006 г.**

## Кавалер Георгиевского оружия

### Василий Осипянц

Светлой памяти моей бабушки  
Елизаветы Иосифовны Осиповой  
посвящаю

«Свод небесный будет раздвинут  
Пред душой, и душу ту  
Белоснежные кони ринут  
В ослепительную высоту».

Н. Гумилев

«Спите, бойцы,  
Спите спокойным сном,  
Пусть вам приснятся нивы родные,  
Отчий далекий дом ...»

Вальс «На сопках Манчжурии»

## Вместо предисловия

Все началось с прошлогодней сентябрьской выставки в Москве, посвящённой 90-летию начала Первой мировой войны.

В тот день погода была мерзкая. Пронизывающий ветер да ещё временами крапывающий мелкий дождик. Сидеть бы дома, но я потащился из своего Подольска в столицу. Не терпелось увидеть всё своими глазами. Желание было столь велико, что меня ничего не могло остановить.

«Мой дед, полковник Василий Каграмонович Осипянц, участвовал в этой войне. Мне непременно посчастливится найти какие-либо документы о нём», – говорил я себе, пока добирался.

В трёх небольших плохо освещённых комнатах в здании Центрального архива Российской Федерации рассказывалось о той забытой Великой войне и тех забытых героях, защищавших свою Веру, своё Отечество и своего Императора.

Я переходил от стенда к стенду, вчитывался в разные военные донесения и приказы, пытаюсь разыскать хоть какие-нибудь следы участия моего деда в военных действиях. Мне всё казалось, что я обязательно наткнусь на истлевшие от времени листки с его именем или отрывистые сведения, связанные с его полком, а может, его послужной список, письма, наградные листы. Увы – ничего не было. Как я был наивен!

Побродив в одиночестве по комнатам, со стен которых гордо смотрели портреты императора Николая II, выдающихся главнокомандующих: Великого князя Николая Николаевича, Брусилова,

Рузского, Юденича, прославленных генералов: Алексеева, Деникина, Эверта, Колчака и многих других, я понял, что вижу такое впервые – происходила переоценка деятельности, признание заслуг всех этих военных руководителей Царской Армии.

Описывались их блестящие операции и победы. Экспонаты выставки показывали самоотверженность и героизм русских генералов, офицеров и солдат – участников войны. Отдельные стенды сообщали о подвигах некогда оклеветанных и очерненных грязью большевистской пропаганды царских офицеров. Вот послужной список генерала Кутепова и наградной лист с описанием его подвига. Какой это был отважный и смелый воин и как трагически оборвалась его жизнь!

Где-нибудь на архивных полках пылятся бесчисленные послужные списки и наградные листы офицеров Императорской армии, честно исполнивших свой долг перед Родиной. О них редко вспоминают.

Я разговорился с молодым человеком – зрителем этой скромной экспозиции и рассказал ему, что я ищу. Внимательно выслушав меня, он оживился:

– Да, Апшеронский полк – очень известный, и у нас в архиве должны быть материалы касающиеся вашего деда. Вы говорите, он был полковником. О нём непременно должны быть сведения. У нас они хранятся на любого штабс-капитана. Вы напишите в архив и попросите найти послужной список и наградные листы.

На прощание он оставил свой рабочий телефон, на случай если понадобится его помощь.

Я покидал выставку с надеждой, что смогу найти какие-либо материалы на моего деда через столько прошедших лет, столько бурных событий и перемен.

На следующий день я отправил письмо в Центральный исторический архив с приложением копий фотографий деда и с нетерпением стал ждать ответа. Время пробежало быстро и где-то через месяц я уже звоню по

телефону и разговариваю с сотрудником архива. Каково же было моё удивление, когда немного заикающийся голос в трубке стал сообщать мне результаты поиска:

– Полковник Василий Осипянц. Да, нашёл! Нашёл и послужной список до 17-го года и наградной лист. Вы знаете, ваш дед был герой, настоящий герой! У него Георгиевское оружие и столько наград, вы даже представить себе не можете. Это был очень смелый, отчаянной храбрости человек ...

Он говорил и говорил, не останавливаясь. Старался высказаться до конца и передать мне все подробности подвигов моего деда, личность которого так заинтересовала и увлекла его.

– Вы напишите о нём в газету или в журнал, – продолжал он, – ведь ваш дед заслужил признание. Кстати, а как сложилась его жизнь после 17-го года?

– Он погиб весной 18-го года на турецком фронте.

– Понимаю, – посочувствовал мне сотрудник архива и добавил, – У каждого героя той великой войны, как правило, трагическая судьба. Вы всё же обязательно напишите о нём.

Мы попрощались очень тепло. Я был благодарен этому человеку за участие и за те документы, которые мне надлежало вскоре получить.

Теперь мне оставалось только дожидаться заказанных бумаг, самому увидеть и прочитать материалы на моего деда, Василия Осипянца, о котором всегда с такой любовью и почтением говорили в семье на протяжении многих десятилетий.

Оформление архивных документов занимает несколько месяцев. Я был свободен и решил съездить в Липецк – навестить моего двоюродного брата Павлика Торадзе, сообщить ему новые сведения, которые так удивили и потрясли меня. Кто бы мог подумать, что дедушка – герой той далёкой войны?

Встретили меня очень радушно. И жена моего брата Ира, и его тёща Зинаида Сергеевна ко мне всегда благоволили, и я был окружен их вниманием. В общем, чувствовал себя у них уютно и комфортно, как дома.

Вечерами мы подолгу беседовали с братом, вспоминая годы нашего детства, наших родных, нашу светлую бабушку, большую семью и родной Тбилиси. Я привёз им несколько экземпляров моей только что изданной книги воспоминаний, и они восторженно приняли этот подарок. Ведь это была книга о наших близких.

Заговорили о дедушке, о новых открывшихся неизвестных ранее документах, и я подробно пересказывал им всё, что узнал из архива.

– Как же так случилось, – наконец, спросил Павлик, – что в семье было неизвестно о его подвигах? Ни бабушка, ни родные, никто об этом никогда о них не говорил.

– Видимо, они не знали, – предположила Ира.

– Да, видимо, не знали, – согласился я, – Дедушка не рассказывал о своих военных подвигах, правда, дома упоминали о наградах - и Георгиевском оружии и ордене Св. Владимира с мечами. Но то, что он был героем той Великой войны, в семье не знали. Я как-то поинтересовался у бабушки насчёт других орденов деда, и помню, как она, задумавшись, ответила: «У него были и другие награды. Кажется, Св. Станислав и еще какие-то».

Приятно было вспоминать то далёкое, давно ушедшее прошлое в кругу семьи. Тебя всегда понимают и переживают вместе с тобой, особенно, когда дело касается истории семьи.

Близость Усмани, ведь Усмань находится всего-то в 100 км от Липецка, волновала душу. В 1916 году дед служил там военным комендантом. С этим маленьким уездным городком было связано столько счастливых детских воспоминаний моей мамы, что меня невольно тянуло туда, хотя я и побывал там в 1976 году.

Внезапное желание ехать в Усмань было настолько сильным, что все сомнения отодвинулись на второй план, уступая моему порыву и велению сердца.

– Езжай, Миша, езжай. Это недалеко. Два часа автобусом, – и ты уже будешь там, – подбадривала меня старенькая теща моего брата Зинаида Сергеевна.

Мой брат, напротив, отнёсся к моей поездке отрицательно и всячески отговаривал меня. Но ведь и его можно было понять. Поехать вместе со мной он не мог – не позволяла работа, а отпускать меня одного в другой город он боялся. Все может случиться в дороге, да и возвращаться я буду затемно.

Меня поддерживала женская половина – Зинаида Сергеевна и Ира. Им очень хотелось, чтобы я навестил городок моих родных. Они знали, что это маленькое путешествие доставит мне большую радость, и всячески способствовали этому.

Решение было принято, и утром следующего дня я уже сидел на 8-часовой автобус. Через какие-то полчаса мы были уже в Усманском районе. Промелькнули деревенские поселки Октябрьский, Аксай, Никольское, и вот, наконец, автобусная станция Усмани. Далее на частной машине – в центр города, и я снова стою прямо у входа в городской парк, как почти 30 лет назад.

Я уверенно пошёл вдоль парка на ту улицу, к тому дому Новосёловых, где проживала семья военного коменданта много лет назад. Я хорошо помнил трогательные рассказы родных об этом времени и об этом доме. Чем ближе я приближался к нему, тем сильнее билось сердце и волнение охватывало меня. Я увидел дом ещё издали и ускорил шаги. Вот он и рядом. Большой деревянный барский дом Новосёловых. Стоит, как прежде, как и 100 лет назад. Правда, кое-что изменилось, нет уже каменной ограды и резных старинных ворот, исчезло одно из громадных

ветвистых деревьев, что росли прямо у веранды, и сама веранда переделана под прихожую с убогой деревянной лестницей.

Пока я делал фотографии, из дома вышел высокий молодой человек приятной наружности.

– Собираете старину, – дружелюбно поинтересовался он, – Это ведь дом депутата Государственной Думы Новосёлова. Мы вот крышу отремонтировали. Здесь теперь размещается судебная экспертиза, да и живу я здесь. Мне выделили квартиру в этом доме.

Он с любопытством стал просматривать мою книгу воспоминаний и фотографии моего деда, внимательно слушая



мои объяснения о причинах моего интереса именно к этой усадьбе. Многих людей сейчас увлекает старина и ушедшее время.

Я спросил его насчет огромного дерева, растущего у веранды, и он пояснил, что это липа, но такая огромная, какие редко встречаются.

– Второе дерево зачахло, и мы его срубили. Только пенёк остался, – добавил он с сожалением.

Дом улыбался мне, как и прежде. Он узнал меня, ведь мы с ним старые друзья. Вернее, он признал во мне наследника той замечательной и доброжелательной семьи, которая проживала здесь без малого 90 лет назад. Теперь я снова был вместе с этим домом, хотя и на короткое время. Я вбежал по скрипучим ступенькам в переднюю и только здесь смог постоять некоторое время. Дальше было нельзя, все двери были закрыты. Из окна проглядывался задний двор и хозяйственные постройки. Туда тоже нельзя было пройти. Всё было под замком.

Я спустился снова на площадку перед домом и сделал на прощание ещё несколько снимков. Огромная липа благосклонно помахивала мне голыми ветвями. А дом продолжал ласково улыбаться и как бы просил простить его, что не смог меня принять. Да он и не улыбался, а весь сиял.

Я помахал на прощание рукой этому славному месту, и мне почудилось, что липа чуть наклонилась и легким шумом голых ветвей прошептала прощальные слова: «Не забывай нас!».

Теперь надо было найти женскую гимназию, куда моя мама, тогда ещё маленькая девочка Нина, со своей сестрой Леной ходили учиться. Гимназия оказалась недалеко. На углу, напротив входа в городской парк. Я постоял рядом недолго и представил себе двух маленьких темноволосых девочек, направляющихся тогда в гимназию на занятия. Они крепко держатся за руки и спешат, чтобы не опоздать. Это были, пожалуй, самые счастливые их годы.

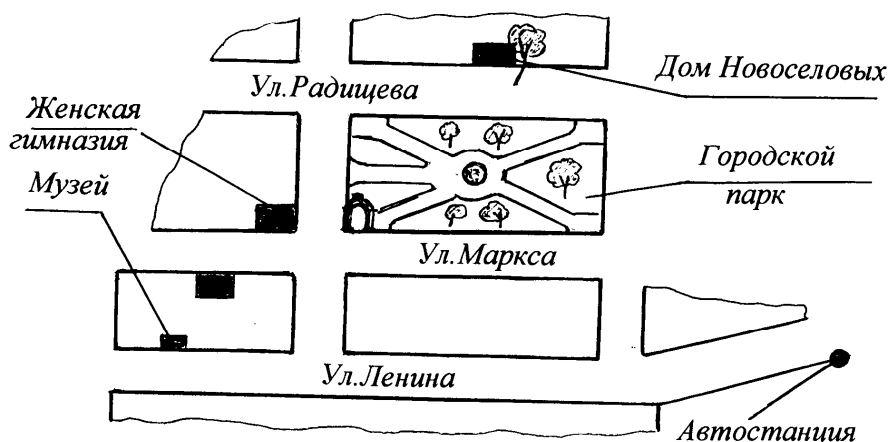
В чем была загадка этого уютного чистенького городка и этого дома? Почему мои родные так любили свой дом и то время? На это ответа нет. Все люди, которые когда-то здесь жили, покинули этот мир и унесли свою тайну.

Может быть, это заключалось в теплоте и внимании окружавших их людей, а может, сам воздух и сама земля усманская щедро одаривала жителей добротой и любовью. Не знаю. Но вот что странно: ведь и меня влечет сюда невидимыми нитями, когда я нахожусь недалеко, как в этот приезд в Липецк.

Усмань вновь манит, чтобы снова показать чарующую прелесть маленького уединенного провинциального городка с удивительными милыми и внимательными людьми.

Я не верующий, хотя и глубоко уважаю людей с богом в сердце, истинно верующих, но вот признаю, что есть какая-то магическая сила, великий разум, что порой подсказывает сердцу принимаемые решения.

### Схема расположения дома в Усмани



Меня непреодолимо тянуло и в местный краеведческий музей. Может быть там найдутся бумаги, связанные с последним военным комендантом города.

Краеведческий музей размещался в старинном здании на параллельной улице ниже по ходу, и я без труда его нашёл. Музей был открыт, и я рискнул войти. Молодая женщина шагнула мне навстречу. В ее глазах мелькнуло удивление. Посетители были им в диковинку. В музее было тихо и пустынно, только две школьницы рассматривали зуб мамонта по заданию школы.

– Ольга Николаевна Кванина, научный сотрудник музея, – представилась она, – Что вас интересует?

Я рассказал ей о цели своей поездки и о моей семье, проживавшей здесь в 16-17-х годах. Затем я показал свою книгу с фотографиями последнего военного коменданта Усмани Василия Осипянца.

Ольга Николаевна очень просила оставить музею мою книгу воспоминаний, но сделать этого я никак тогда не мог. Книга содержала много личных переживаний, и мне не хотелось выставлять их на всеобщее обозрение.

Пока Ольга Николаевна снимала копии фотографий и записывала некоторые данные для музея, я решил осмотреть экспозицию. На втором этаже огромная комната была целиком посвящена усманским революционерам и подпольщикам и их деяниям. Они занимали всю комнату своими портретами и революционными воззваниями тех безумных страшных дней. Здесь же был выставлен и знаменитый приказ № 1 Советов рабочих и солдатских депутатов.

Именно с этого приказа и начался развал Царской армии, преследования офицеров и их уничтожение.

Подпольщики в рамках смотрели на меня с подозрением и с какой-то необъяснимой ненавистью, как бы понимая, зачем я пожаловал.

Нет, конечно, моему деду места здесь не было. Не мог он соседствовать рядом с палачами.

Бабушка рассказывала, что дед перед отъездом на южный фронт в ноябре 1917 года собрал всех офицеров и предупредил об опасности.

Вот его слова: «Мой вам совет как старшего по званию и вашего начальника – спасайтесь, господа, срывайте погоны, знаки отличия и бегите. Спасайте свои семьи, родных, детей и близких. Власть в руках у преступников и обезумевшей толпы».

Не все осознали тогда степень опасности, хотя, думается, подпольщики давно уже работали в городе и все списки офицеров были у них в руках.

Мы читаем в книге С.В. Волкова «Трагедия русского офицерства» на стр. 94:

«В ряде городов (Усмани, Кашине, Шлиссельбурге, Балашове, Рыбинске) были схвачены все находившиеся там офицеры. В Сердобске офицеры и интеллигенция были расстреляны поголовно, в Чебоксарах эти категории также были все перебиты в ходе устроенной «Варфоломеевской ночи». В Пензе было расстреляно 156 офицеров. В Царицыне в середине сентября расстреляны десятки офицеров».

Палачи не дремали и со звериной ненавистью выполняли свои грязные замыслы.

Я взглянул с презрением на портреты ещё раз и спустился вниз. И хотя Ольга Николаевна Кванина с энтузиазмом предлагала идею создания стенда, посвященного последнему коменданту Усмани, герою Первой мировой войны, Василию Осипянцу, меня смущало соседство с палачами-подпольщиками. Но милейшая Ольга Николаевна меня успокаивала:

– Не волнуйтесь, мы их подвинем в сторону. Надо показывать историю со всех сторон. Не только они должны ее представлять. Ваш дед – герой войны, и он вполне заслужил почёт и уважение Усмани».

Прощались мы как друзья. Я обещал работать, переслать им необходимые документы и наградные листы и выполнить для музея картину маслом дома Новосёловых.

– Да, а какова его дальнейшая судьба? – спросила она.

– Вы знаете, после события 15 ноября, когда в Грязях убили князя Бориса Леонидовича Вяземского, дед покинул Усмань и уехал на южный, ещё существующий Русско-Турецкий фронт, где и погиб в мае 1918 г. За ним последовала вскоре и вся семья – в Тифлис. Здесь было опасно оставаться семье полковника.

– Да, – подтвердила Ольга Николаевна, – здесь такое творилось, столько было зверств и жестокости! Офицеров расстреливали в первую очередь.

Я возвращался в Липецк усталый, но отдохнувший душой. Идея создания стенда, посвященного моему деду, была, конечно, заманчивой, но в ее осуществление верилось с трудом.

Документы из архива я получил только зимой. Это был мой первый успех. Как же я был счастлив, как бережно вёз домой в Подольск это бесценное сокровище, как спешил поскорей рассмотреть и прочитать их!

Дрожащими от волнения руками вскрыл дома конверт и вынул содержимое. Сомнений быть не могло. Я держал в руках послужной список моего деда – полковника Царской армии Василия Каграмоновича Осипянца и его наградной лист с описанием подвига.

Весь вечер я знакомился с полученными бумагами, страницу за страницей перечитывал вновь и вновь, рассматривая подписи и даты. Перед моими глазами протекала вся его жизнь – юнкерское училище, служба в различных полках. Участие в Великой войне 14-го года, ранения, награды. Боже мой, сколько наград! Ордена: Св. Станислава III степени, Св. Анны III степени, Св. Станислава II степени с мечами, Св. Анны II степени с мечами, Св. Владимира IV степени с мечами и бантом и, наконец, Георгиевское оружие.

На последней странице послужного списка в разделе XI я встретился со своей семьёй. Буквально там было сказано следующее:

«Женат первым браком на дочери дворянина Иосифа Мелик-Алахвердова, девице Елизавете. Имеет детей: Михаила, родившегося 12 декабря 1904 года, Елену, родившуюся 28 декабря 1906 года, Нину, родившуюся 24 октября 1908 года, и Анну, родившуюся 15 декабря 1912 года. Жена и дети вероисповедания армяно-григорианского».

Елизавета – это моя бабушка Елизавета Иосифовна Осипова, Нина – моя мама, Лена и Анна (Нюся) – мои тетушки. Михаил умер до моего рождения.

Бабушка редко вспоминала мужа, видимо, для неё его гибель была нестерпимой болью. А вот дети пронесли любовь к своему отцу через всю свою жизнь и часто рассказывали о нём с необыкновенной нежностью и теплотой. Образ отца десятилетиями хранился в их памяти, и они им всегда гордились.

Их воспоминания и новые документы во многом определили моё решение написать о нём книгу и передать следующим поколениям сведения, накопленные моей памятью и собранные в моём архиве. Я

понимал, что работа предстоит трудная, необходим будет поиск новых материалов, статей, воспоминаний очевидцев, но это меня не пугало. Была благородная цель – отдать последний долг моему деду, забытому герою Первой мировой войны.

## Глава I. Нуха

День 15 августа 1869 года принёс счастье в семью нухинского мельника Каграмона Осипянца Байрамянца. Его жена Эгине родила мальчика. Это был их третий ребёнок, и то, что это был мальчик, родители приняли как Божий дар. Не зря, значит, мельник часто молился и просил Господа подарить ему сына. Бог услышал его. Теперь у него был сын.

Две его дочери Роза и Элизабет, совсем уже взрослые девушки, помогали матери ухаживать за новорожденным, таким крошечным и забавным, а Эгине всю свою материнскую любовь и нежность щедро отдавала теперь этому мальчику.

Ребенка назвали Василием, а во время святого крещения в нухинской Армянской церкви ему было наречено имя Барсег, он же Василь. Церковное имя так понравилось, что дома его стали звать Барсегом.

Нуха – город небольшой, расположенный на южных склонах Главного Кавказского хребта в Азербайджане. Бывшая столица Шекинского ханства. Один из древнейших городов, а теперь дальняя окраина Российской Империи. Казалось бы, затерянная провинция, так нет, в городе два учебных заведения: женская гимназия и мужское городское училище, музыкальное училище, офицерское собрание, расквартированного здесь гарнизона, множество магазинов и лавок, свой караван-сарай, несколько мечетей и церквей. Город славился на весь Кавказ, да и не только, своими изумительными шёлковыми тканями, красочными коврами, сочными фруктами и овощами, знаменитой

нухинской халвой и восточными сладостями. За исключением центральной части города и торговых улиц каждый дом имел свой фруктовый сад, орошаемый прямо из протоков, протекающих вдоль улицы. Город утопал в зелени огромных тутовых деревьев.

Главной достопримечательностью был бывший ханский дворец – лёгкое изящное творение с чудными восточными арабесками и стеклянными витражами, возвышающееся над горной террасой, старая ханская крепость да центральный сквер с фонтаном, полукругом разбитыми дорожками и газонами цветущих роз. Сюда горожане стекались по вечерам после знойного дня, чтобы отдохнуть на скамейках и насладиться необыкновенным ароматом цветущих роз.

Дом мельника Каграмона находился вдали от центра. Это был небольшой, но добротный дом с фруктовым садом. Перед домом несколько тутовых деревьев создавали упоительную прохладу. Здесь во дворе маленький Барсег, а дома его по-прежнему называли только так, и проводил свои первые детские годы вместе со своими сверстниками – соседскими детьми. Он рос любознательным и смыслённым ребёнком и своими вопросами часто ставил родных в тупик. Его серые большие глаза светились такой добротой, что покоряли каждого. Сёстры в нем души не чаяли и охотно им занимались. Мальчик любил ходить с ними на базар или в магазин за покупками. Иногда Роза брала его в лес, когда приходило время собирать кизил.

Эти прогулки Барсегу особенно нравились. В лесу он мог подобрать и срезать нужные ровные палочки: одну в подарок матери, а остальные для игр. Он хорошо знал, что кизилковые палочки легко гнутся и не ломаются и мать взбивает ими промытую и высушенную баранью шерсть. Остальные он раздаст своим друзьям. И себе оставит одну. Он переделает её под шашку или будет ездить на ней верхом.

Кизилковых деревьев с ровными ветвями в лесу много, и Барсег без труда находит одно из них. Старшая сестра поднимает тогда Барсега

высоко-высоко, чтобы ему было удобно дотянуться до выбранной ветви и срезать её.

Роза была старше своего брата на шестнадцать лет. Её внимание и заботу мальчик ощущал с самого рождения. Она ему во всём помогала, нежно опекала и оберегала его. Соседские дети играли с ним охотно. Они часто уступали ему верховенство, когда играли в казаков-разбойников, хотя особой силой Барсег не отличался. А вот ловкостью, умением и сноровкой с ним поспорить не могли, и ещё покорял он безоглядной смелостью и отвагой.

Детские военные игры постепенно зародили в тайнике души этого мальчика мечту, о которой никто не догадывался. В своем воображении он представлял себя воином, офицером, совершавшим подвиги. Сидя в одиночестве, замечтавшись, он забывал иногда о еде, пока ласковый голос матери не возвращал к реальности:

– Барсег, Барсег, иди кушать. Всё остывает.

Сокровенные мечты прерывались, но только на время. Он встречал русских офицеров на базаре и в центре города, куда водила его Роза. Высокие, стройные, с блестящими эполетами и орденами на груди. Они выделялись в толпе своей горделивой осанкой и достоинством. Дома, уже засыпая, он снова возвращался к своим грёзам, пока не наступал черед сладкого детского сна.

Это была его тайна. Она была неизвестна даже его родным. Он никому её не доверял, даже матери, которую так нежно любил.

Когда Барсегу исполнилось 9 лет, отец отвёл его в Городское мужское 3-классное училище и записал под именем Василий Осипянц. С этого времени только родные и близкие друзья будут по-прежнему звать его Барсегом, для остальных он будет Василием.

Учился он хорошо. Быстро освоил русский язык. Тяга к знаниям и серьёзное отношение к предметам выделяли его среди других мальчиков.

О его каллиграфическом почерке и природной грамотности стали даже поговаривать в городе. В семье восхищались и гордились им. Блестяще окончив училище, он вынужден был пойти работать. Продолжать образование в Тифлисе пока не представлялось возможным, к тому же отцу становилось всё труднее управлять мельницей. И двенадцатилетний мальчик, ещё не юноша, но уже достаточно ловкий и умелый, становится правой рукой мельника Каграмона. Он помогает отцу во всех делах от ремонта старой мельницы до подсчёта прибыли, ведёт все необходимые записи и расчёты.

Мельница приносила неплохой доход, и семья жила в достатке. Каграмон построил её давно, после переезда в эти места из селения Дашбулаг Елисаветпольской губернии. Сам выбирал и место в верховье реки Гюрджанчай. Мельницы всегда строятся там, где течение бурное и вода несёт большую энергию.

Здесь среди живописных окрестностей Нухи несколько лет работали вместе отец с сыном. С утра на мельницу, а вечером – домой. Трудная, тяжёлая работа, но они отдавали ей все свои силы. Мельница была кормилицей. Каграмон любовался своим сыном, его энергией, настойчивостью и способностями. Казалось, что и сама мельница не может ослушаться его приказов, продолжая послушно плавно вращаться и перемалывать тонким помолом любое зерно. Мука получалась славная, а значит, заплатят больше и доброе слово скажут. Он был доволен сыном и помощником.

Шел сентябрь 1889 года. Нухинцы были заняты сбором урожая, который в том году уродился особенно богатым: сочные фрукты и овощи, необыкновенно сладкие дыни, громадных размеров арбузы, ну и конечно же виноград.

Барсег, которому недавно исполнилось 20 лет, трудился не покладая рук, успевал помогать и отцу на мельнице и матери в саду. Он был сыном

мельника и работать умел. Помогал и соседям, когда его просили. Никому не отказывал в помощи.

В то утро он направлялся к дому княгини Мелик-Алахвердовой. Его попросили собрать виноград, и он весело шагал через город к знакомой усадьбе. Он уже не раз собирал там виноград и хорошо знал эту опасную, но хорошо оплачиваемую работу. Княгиня славилась своей добротой, а семью Каграмона знала давно и часто ей помогала. Миновав центральный сквер с розарием, он устремился в знакомый проход.

Дом Мелик-Алахвердовых, большой деревянный двухэтажный дом с широкой верандой, выделялся в городе. Перед домом – два громадных стройных тополя, а чуть поодаль – необъятный сад, тёмный, заросший и загадочный, про который ходили целые легенды.

Тополя до самой вершины, как змейка, обвивала виноградная лоза и только на самом верху блестели её плоды – большие грозди спелого чёрного винограда. Этот урожай и должен был собрать Барсег. Княгиня встретила его ласково:

– Как же ты вырос Барсег, совсем жених. Я помню тебя совсем ещё маленьким.

Она передала ему большую корзину со словами:

– Будь осторожен наверху. Не пытайся дотянуться до труднодоступных кистей.

К тополю приставили длинную деревянную лестницу. Её устойчивость будут обеспечивать два пожилых работника княгини. Они собрали виноград с соседнего тополя днём раньше, на большее сил не хватило.

Барсег снял рубашку, чтобы не запачкать её. Его загорелая грудь заблестела под лучами солнца, и мускулы юноши заиграли при каждом его движении. Он легко перекинул через плечо корзину с ремнём и осторожно, но ловко стал подниматься. На такой высоте надо было работать предельно внимательно. Он срывал грозди винограда и укладывал их одну

за другой в корзину. Ему приходилось перегибаться и проявлять всю свою ловкость, чтобы достать недосягаемый виноград. Ведь любое неосторожное движение и падение могло привести к гибели. Но он был молод, а молодости свойственны порой безрассудные и рискованные действия.

Он работал долго и тщательно. Собрал почти весь виноград и стал спускаться вниз. Корзина была теперь тяжёлая и сильно натирала плечо.

Наконец, он ступил на землю, весь в порезах и ссадинах от упрямых ветвей. Пот струйкой стекал по лицу. Он устал, но был рад, что работа завершена. Барсег хотел было передать корзину работнику, когда заметил в нескольких шагах от себя маленькую хорошенькую девочку лет шести в тонком светлом платьице, отороченном кружевами. Её чёрные шелковистые волосы плавно спадали на маленькие детские плечи. Красивые широко раскрытые карие глаза ребенка выражали восхищение.

– Меня зовут Лиза. Я всё время наблюдала за тобой, пока ты был наверху и боялась за тебя, – проговорила она нисколько не смутившись.

– Лиза, – загадочно повторил Барсег её имя и добавил: – возьми виноград от меня в подарок. Эту кисть я сорвал для тебя на самой вершине. Она самая сладкая.

– Спасибо, – прошептала девочка и доверчиво протянула свои маленькие ладошки.

Огромная кисть с трудом укладывалась в её маленьких детских руках. Она поблагодарила его ещё раз и медленно, чтобы не уронить подарок, пошла к дому. Глаза её сияли. Она была так счастлива, ведь Барсег преподнёс ей самую лучшую кисть винограда.

Возвращался домой Барсег с деньгами. Княгиня щедро оплатила его труд. Мать будет довольна. Дорогой он всё вспоминал трогательный образ маленькой княжны Лизы и восторженный взгляд её детских глаз.

Всё вроде ладилось в семье трудолюбивого мельника Каграмона. Дочерей выдал замуж за хороших людей. Младшая Элизабет переехала с мужем в Баку и пишет добрые письма. Роза уже 5 лет как живёт отдельно в доме своего мужа, местного кондитера, и ждёт второго ребенка. Она часто навещает родительский дом с очаровательной дочкой Еленой. Барсег прекрасно справляется с работой на мельнице.

И только одна мысль не давала покоя Каграмону – мысль о будущем сына. Каждый отец желает счастья и успехов своему ребёнку. Каграмон хотел для Барсега карьеру инженера или юриста, а может быть, врача. В Нухе не было высших учебных заведений, и он тайком скопил деньги на образование сына. Он ходил задумчивым последнее время и всё не решался поговорить с сыном.

Наконец, он осторожно спросил Барсега о его планах на будущее. Быстрый и уверенный ответ сына его ошеломил.

– Я буду офицером, папа. Я уже все продумал. Сначала поступлю вольноопределяющимся в один из полков, а оттуда в юнкерское училище.

Мечта маленького нухинского мальчика давно превратилась в цель жизни.

С этой минуты Каграмон потерял покой, да и не только покой. Нервное потрясение приковало его к постели на несколько дней. Он никак не ожидал от сына такого ответа. Служба в армии никогда не приходила ему в голову. Но пришлось согласиться после долгих уговоров. Доводы и целеустремлённость Барсега его убедили.

Однако поступить в полк на правах вольноопределяющегося было не так-то просто. Для этого надо было сначала выдержать приёмные испытания при юнкерском училище.

Теперь Каграмон не жалел средств на подготовку сына. Он сам загорелся этой идеей. Шутка ли, сын мельника будет учиться в юнкерском училище! Несколько месяцев упорных занятий с лучшими нухинскими

педагогами по арифметике, физике, русскому языку и истории приблизили его успех.

В начале марта 1890 года молодой человек Василий Осипянц покидает г. Нуху, а через несколько дней блестяще сдаёт испытания на получение прав вольноопределяющихся 2-го разряда при Тифлисском юнкерском училище.

Его направляют служить в 14-й Гренадерский Грузинский полк, где он проходит курс полковой учебной команды, и только через полтора года зачисляются в Тифлисское пехотное юнкерское училище юнкером в младший класс. Это произошло 19 октября 1891 года, Василию шёл тогда 22-й год. Он был счастлив и немедленно написал отцу в Нуху. Его детская мечта начинала сбываться. Говорят, когда мельник Каграмон получил это известие, он несколько дней не мог успокоиться и всё повторял с гордостью:

– Мой мальчик – юнкер!

## Глава II. Юнкерское училище

Тифлисское пехотное юнкерское училище на Михайловском проспекте стало для Василия Осипянца вторым домом на долгие три года. В народе это училище часто называли Михайловским по названию одноименного проспекта, на котором оно располагалось. Преподавательский состав, подобранный из блестящих профессоров и опытных кадровых военных, считался по праву одним из лучших в военных заведениях Российской империи. Здесь готовили офицеров для многих прославленных гренадерских полков Русской армии. Отсюда направляли пополнение в 13-й Гренадерский Эриванский, 14-й Гренадерский Грузинский, 15-й Гренадерский Тифлисский, 81-й Апшеронский и другие не менее известные полки.

Обучение шло таким образом, что выпускники юнкерского училища обладали не только прекрасными военными знаниями, но и общей эрудицией и культурой. Уникальный офицерский корпус недаром считался составной частью высокообразованной русской интеллигенции. В курс обучения входили не только специальные военные дисциплины – пехотная тактика, топография, фортификация, военная история, но и общеобразовательные – математика, география, российская история и литература. А качественному составу преподавателей мог бы позавидовать любой университет.

Система обучения была строгая и расхолаживаться не позволяла, к тому же оценки могли повлиять на выбор полка и начало офицерской карьеры. Поблажек не давали, и усиленные занятия продолжались целый год за исключением каникул.

Василий был старше своих одноклассников. Многим юношам, поступившим в юнкерское училище после гимназии, было не более 18 лет. Но он не замечал этой разницы. Со всеми юнкерами у него сложились приятельские отношения. Он целиком погрузился в учебу, к которой он так стремился. Его вдумчивое отношение к предметам, ненасытная тяга к знаниям, справедливые суждения и дружелюбие быстро завоевали ему популярность как среди товарищей, так и преподавателей. Здесь у него появились и первые друзья: тифлисец Миша Ломидзе и Алексей Дружинин, уроженец Нухи. Взаимовыручка и поддержка в закрытом учебном заведении играют не последнюю роль. Их часто видели вместе в училище, а когда отпускали в город, Василий непременно проводил время со своими друзьями.

Условия в юнкерском училище были спартанские: еда – чрезвычайно скромная, обмундирование, хотя и нарядное, но не самого высшего качества. Правда, Василия это мало удручало. Его жизнь была насыщенной и интересной, и он полностью отдавался занятиям, старался осмыслить и запомнить советы педагогов. Много работал в библиотеке училища, заполняя пробелы знаний в гуманитарных науках. Знакомство с русской и зарубежной классикой открывало ему до сих пор неизвестный мир. Книги Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, И.С. Тургенева увлекали и обогащали его, формировали его духовную культуру.

Особое внимание уделялось в училище строевой и физической подготовке и отдаванию чести. Офицеры внимательно следили за осанкой юнкеров. "Ходи, как подобает офицеру", – говорили они. – "Шаг легкий, но не мелкий, голова высоко поднята, грудь прямая, как струна. Не сутулься".

И юнкера, ежедневно повторяя эти наставления, постепенно превращались в горделивых молодых людей с офицерской выправкой.

Натаскивались юнкера и тонкому искусству отдания чести и поведению в обществе. Был еще танцевальный класс. Надо было все запомнить и всему научиться: когда и кому отдается честь, становясь во фронт, а кому достаточно приложением руки к головному убору.

По выходным, когда юнкеров иногда отпускали в город, давались последние наставления: "Следите за столовыми приборами, если вас пригласят отобедать. Не набивайте сразу рот едой, как будто вы из голодного края. Локти держите прижав к телу. Девицам не рассказывайте бредней и не врите про свои подвиги. А в общем – ведите себя скромно, но с достоинством.

Вы – юнкера Михайловского училища. Идите".

И они покидали стены училища до вечера. Короткий миг. Несколько часов свободы вне учебного заведения, вдали от бдительной опеки старших офицеров и начальствующего ока. Любимое место прогулок, конечно же, Головинский проспект. Шли всегда в ногу, гордо подняв голову, привлекая внимание прохожих своей молодостью, осанкой и красотой, а заметив в толпе офицера уже за 10 шагов, а не положенных 4, отдавали ему честь с истинным наслаждением, высоко задирая кверху локоть. Офицеры всегда улыбались, приветствуя их таким же знаком, ведь это шли будущие защитники, их смена.

Женщины восхищенно засматривались на нарядную форму подтянутых юнкеров с золотом на погонах, а гимназисты шептали друг другу:

– Смотри, юнкера-михайловцы идут ...



Василий Осипянец. Тифлис, 1890 год

Красота Тифлиса конца XIX века поражала. Множество прекрасных каменных зданий и особняков самых разных стилей от неоклассицизма и барокко до мавританского, старинные христианские церкви с серебристыми шатрами куполов и обилие скверов и парков создавали неповторимое очарование.

Головинский проспект со стройными рядами тенистых платанов был украшением города. Тут и величественный дворец наместника, изысканные дома аристократии, банки, административные учреждения и учебные заведения. Многочисленные дорогие европейские магазины и рестораны соседствовали с небольшими трактирами, подвальными духанами и лавками. Жизнь кипела повсюду.

Юнкера гуляют медленно, наслаждаясь окружающим великолепием, обилием шикарных магазинов и ресторанов, среди многоязычной шумной, но доброжелательной публики. Кого только не встретишь в толпе: загорелых горцев в черкесках, грузинов в национальных костюмах, беспечных загадочных персов, одетых в яркие ткани, армян, татар, курдов ... Много русских военных.

Для Василия каждая прогулка была событием. После провинциальной маленькой Нухи столица Закавказья изумляла молодого человека, очаровывала его.

Миша Ломидзе здесь вырос, и ему все здесь знакомо. Он ненадолго останавливает друзей, чтобы показать Кадетский корпус, где он учился, строгое двухэтажное здание с арочным входом.

– Те два окна на втором этаже – мои. Там я провел несколько лет, – вспоминает он, – Веселое было время!

Миша машет рукой Кадетскому корпусу, и юнкера продолжают свой путь. Они идут к Храму Славы, про который много слышали в училище. Проходят мимо Казенного театра – грандиозного и роскошного здания в мавританском стиле и, наконец, они перед музеем.

Здание музея небольшое, выполненное в виде греческого классического храма со стеклянной крышей. На фасаде 10 больших бронзовых плит, на которых золотыми буквами выведены важнейшие этапы победоносных Кавказских войн.

Внутри много интересного. Они видят портреты выдающихся покорителей Кавказа, прославленных военачальников: графа М.Т. Лорис Меликова, князя Ильи Орбелиани, генерала А.П. Ермолова, князя П.Д. Цицианова, генерал-фельдмаршала И.В. Гудовича, генерал-лейтенанта А.А. Вильямина, генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича и многих других полководцев Русской армии. Здесь же представлены знамена полков, батальные картины победных атак русских войск на Кавказе, много именного оружия и наград.

Впечатлений много, а для начинающих свой офицерский путь юнкеров, тем более. Они с жаром обмениваются мнениями и обсуждают только что увиденное. Василий предлагает заглянуть в Александровский сад, но Миша тянет всех к себе домой.

– Мама и папа очень просили вас отобедать. Отказов не принимаю, – уговаривает он.

Ломидзе живут в Сололаках, недалеко от центра. Надо пройти Дворец наместника и мимо Арки Главного штаба и караван-сарая Тамамшева на площади Паскевича Эриванского свернуть направо. Затем вверх по Сололакской улице до Вознесенской. Третий дом от угла.

Семья у Ломидзе большая: мать, отец и две младшие сестренки. Они всегда встречают друзей Миши с нескрываемым удовольствием. Гостеприимство – национальная грузинская черта, а тут еще пожаловали такие молодцеватые юнкера.

Накрывают на стол, очень много вкусных закусок и незнакомых кушаний: шпинат, сациви, пхали и, конечно, теплый грузинский хлеб.

Отец Миши – подполковник, принимает их торжественно в военном мундире с орденом Св. Анны на груди, на лице улыбка. Он находит теплые слова для этих милых юношей, друзей сына.

Усаживаются за стол с шумом, и родные не перестают предлагать юнкерам отведать все блюда. Они хорошо знают, что друзья сына оторваны от семьи и стараются согреть их добрым словом, хорошо накормить и создать им пусть на несколько часов задушевную семейную атмосферу. Первый тост – за родителей, и отец наливает всем по бокалу сухого терпкого грузинского вина. Этот бокал юнкера выпивают до дна, но дальше пьют очень осторожно. Им ведь надо возвращаться в училище, а выглядеть нетрезвым – неприглядная картина, вот и Василий уже строго посматривает на своих друзей и требует благоразумия. Он – старший и они не могут его ослушаться.

Несколько часов отдыха в этой теплой грузинской семье и, наконец, возвращение в родное юнкерское училище.

Снова занятия, тренировки, ежедневная строевая подготовка день за днем.

Кстати, обучение военному искусству проходило на очень высоком уровне, особенно штыковому бою. Подготовка офицеров пехоты существенно отличалась от других родов войск. Штыковой бой имел важное значение. Существовало даже целое искусство фехтования на штыках. Оно было гораздо сложнее, чем фехтование на саблях.

Отбив и перевод штыка противника надо было выполнять с одновременным выпадом на левую ногу. Удерживая винтовку правой рукой за изложину, боец наносил удар штыком, при этом ружье должно было скользить по левой руке. Во время обучения в парах оттачивалось мастерство разных защитных и колющих приемов и доводилось до совершенства.

Василий здесь выделялся среди остальных юнкеров настолько, что старшие офицеры доверяли ему драться за предполагаемого противника. Тут у него конкурентов не было. Мастерство было фантастическим.

По большим праздникам в училище устраивались балы. Приглашались девицы из благородных женских учебных заведений и гимназистки старших классов. Это было яркое и торжественное событие. Юнкера встречали своих знакомых у входа и почтено сопровождали их по главной мраморной лестнице на второй этаж в большой зал. А когда начиналась музыка, и оркестр своей зажигательной игрой мазурки или вальса увлекал молодых людей, – зрелище было необыкновенное. Стройные красивые юнкера и юные девушки в нарядных вечерних платьях составляли такие прекрасные танцующие пары, что от них невозможно было оторвать глаз.

Начальство и преподаватели с восторгом и умилением наблюдали за танцующими, но и строго следили за поведением своих подопечных. Вольностей в общении с девицами не позволяли.

Василий танцевальные вечера избегал и редко в них участвовал. Однажды, увидев мельком среди пронесившихся в кружении пар молоденькую гимназистку с очаровательными карими глазами и развивающимися черными густыми локонами, он вздрогнул. Девушка была удивительно похожа на маленькую нухинскую княжну Лизу. Он даже попытался приблизиться к ней, но понял, что ошибся. Она ненароком напомнила Василию его родной город, по которому он так тосковал. Его охватило волнение, и он покинул бал.

Скоро, совсем скоро он поедет на каникулы домой в Нуху. Он часто вспоминал своих родных и регулярно в письмах сообщал им все подробности своей жизни в Тифлисе. Знал, как они соскучились и ждут его. Жаль, что каникулы такие короткие.

Следующий учебный год Василий Осипянц начинал уже юнкером старшего класса. Он был дисциплинирован, хотя порой отличался от своих

товарищей смелостью своих поступков. Преподаватели отмечали его силу духа и бесстрашие, ясность мышления и кристальную честность, веру в Великое Царево дело и безграничную преданность.

Его стремление к поставленной цели – стать офицером – было неудержимым.

Три года учебы и бесконечных тренировок, три года жизни в Михайловском юнкерском училище пронеслись незаметно, и настал день 25 августа 1893 года, когда раздался звонкий голос дежурного юнкера:

– Господа офицеры, строиться на передней линейке!

Начальник училища, немолодой уже полковник генерального штаба В.А. Орлов зычным торжественным голосом объявил о Высочайшем приказе, согласно которому следующие юнкера старшего класса произведены в подпоручики, и поименно зачитал их фамилии. Среди них была фамилия Василия Осипянца.

К этому дню он шел долго. Какой же силой духа наделил творец маленького нухинского мальчика, что он, преодолев все трудности, добился своей цели, осуществил мечту своего детства! Офицерская карьера ему теперь была обеспечена. Она открывала ему все пути дальнейшего успешного продвижения по службе.

Он прошёл тот же путь, что и многие другие офицеры и даже генералы из простых семей. К концу XIX века офицерство Царской армии уже было значительно разнородным, и кадры пополнялись отнюдь не только дворянским сословием. Служба в армии позволяла этим одарённым от природы офицерам добиваться высокого положения в обществе благодаря своей храбрости, бесстрашию, смекалке и врождённому трудолюбию.

Сын простого мельника из маленького городка Василий Осипянец стал офицером и был направлен в тот же 14-й Гренадерский Грузинский полк.

Свой последний вечер молодые офицеры провели вместе. Надо было отпраздновать окончание училища и первые офицерские чины. День был жаркий, обычный для этого времени года в Тифлисе, поэтому по совету Михаила Ломидзе выбор пал на маленький полуподвальный ресторан, скорее духан, в самом начале Вильяминовской улицы. Внутри блаженная прохлада. Несколько шумно, но здесь можно не только вкусно и недорого поесть, но и спокойно наговориться с друзьями, послушать музыку любимившегося им города.

Юнкеров встречают вежливо:

– Что желаете, батано?

Ломидзе заказывает, ему не надо смотреть в карточку, он и так знает, какие блюда выбрать.

– На закуску икры, пхали, поросятины и лобби. Потом чихиртма, локо по-кавказски, горную курочку и чахохбили, потом вина и фруктов.

Официант сам, уже не спрашивая, подаёт к закуске кусок желтоватого тушинского сыра и целое блюдо разных травок. Стол ломится от аппетитных кушаний.

Офицеры, вчерашние юнкера, встают, чтобы осушить первый бокал за родителей, как и положено на Кавказе. А затем начинаются непрерывные тосты за Михайловское училище, за родной Тифлис, за друзей и преподавателей, за Русскую армию и Императора.

Встреча была весёлой и шумной, но и немного грустной, ведь они расставались и разъезжались по разным местам: Михаил Ломидзе направлялся в 15-й Тифлисский полк, Алёша Дружинин – в 153-й Бакинский полк, Василию повезло больше – он будет служить вместе с Фон-Ридигером и Сашей Агрушечным в 14-м Грузинском полку. Весь вечер вспоминали своё родное юнкерское училище, своих преподавателей и старших офицеров, своего начальника полковника Орлова и его добрые слова. Он ведь пожелал с каждым побеседовать напоследок и каждого благословить на верное служение Родине.

Застолье продолжалось до позднего вечера. Задушевные разговоры, смех, шутки. Они, прерывая друг друга, пародировали своих учителей и начальников, вспоминали свои проказы и шалости во время занятий, мечтали о будущей службе, наградах и чинах. У всех в глазах столько радости, столько необъятного счастья! Впереди у всех этих молодых людей – целая жизнь. Эту встречу в уютном тифлисском трактире они будут вспоминать ещё долгие годы...

На следующий день Василий Осипянц отправится домой в Нуху. Только одну положенную неделю он будет со своими родными. Одну лишь неделю в кругу семьи, а после – в полк. Начнётся служба в армии. Звезда светила ему тогда...

### Глава III. Урочище Белый Ключ

Конец XIX века. Российская империя окончательно утвердила своё владычество в Закавказье. Русская армия после блестящих побед в Кавказских войнах продолжает оставаться на всей территории Кавказа. Полки и бригады расположены повсеместно, строятся новые гарнизоны.

14-й Гренадерский Грузинский имени генерала Котляревского полк стоял в селе Белый Ключ в 60 верстах от Тифлиса. Это был один из старейших полков Российской армии. Впервые был сформирован как Гренадерский Е.И.В.В.К. Константина Николаевича ещё в 1786 году. Неувядаемой славой покрыли себя грузинские гренадеры во многих кавказских сражениях: битве при Кюрак-Дара, взятии Ленкорани, штурме Карса. С 1864 года полк носил имя доблестного генерала Котляревского, геройски погибшего в битве за Ленкорань. Служить в этом гренадерском полку было большой честью.

Урочище Белый Ключ – местечко небольшое, но живописное. В отдалённом гарнизоне было и своё казначейство, и почта, и офицерское собрание. Силами полка построены каменные казармы и дома для офицеров. Был тут и чудный парковый ансамбль с ротондой. Излюбленное место прогулок офицерских семей.

Офицерское собрание размещалось в добротном одноэтажном здании, в нём гостиная и танцевальный зал, столовая и кухня, да отдельные номера для приезжих офицеров. Тут же была и бильярдная, где офицеры могли развлечься после службы. В общем, обычный гарнизонный городок не хуже и не лучше других. И только богатая природа: скалистые отроги Триалетского хребта, покрытые густой растительностью, необыкновенные минеральные источники да чистый сосновый воздух придавали этому уголку неповторимую прелесть.

Василий Осипянц прибыл вовремя. Его уже здесь ждали. Подпоручики Фон-Ридигер и Агрушечный приехали ещё вчера, но командир полка полковник Василий Владимирович Ранцев отложил торжественную встречу до приезда Василия. Командир хотел чествовать всех своих новых офицеров вместе.

Был устроен праздничный обед в офицерской столовой. Принимали без церемоний и сердечно. Всем хотелось поздравить молодых людей с окончанием юнкерского училища, познакомиться с ними и напутствовать добрыми словами. Такие встречи сближают и помогают вновь прибывшим почувствовать себя уверенно и свободно в дружной офицерской семье. А это оказывает



благоприятное влияние на службу в гарнизоне.

Начался новый этап в жизни Василия Осипянца. Повседневная служба молодого подпоручика, хотя и была на первый взгляд серой и однообразной, на самом деле была полезной и необходимой. Он проходил путь становления офицера. Молодому подпоручику пришлось пройти все начальные неприглядные должности от заведующего шквальной до



*Михаил Ломидзе, 1900г.*

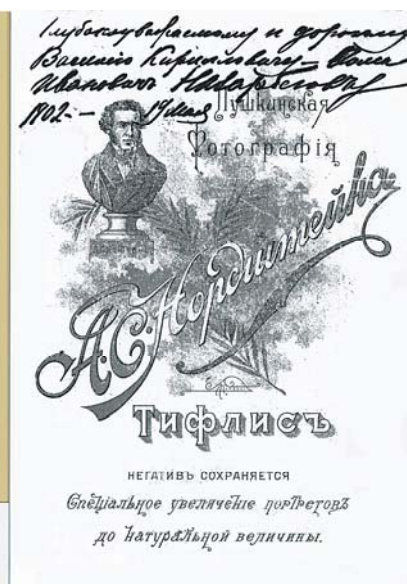
библиотекаря и делопроизводителя

полкового суда. Любое новое назначение Василий принимал со всей

серьёзностью и прилагал все силы, чтобы улучшить доверенное ему начальством дело. Старшим офицерам, привыкшим к монотонности ежедневной воинской службы, это вначале не особенно нравилось и вызывало некоторое неприятие. Но через некоторое время воодушевлённые его страстью сами загорались новыми идеями.

Ни на минуту он не давал себе расслабиться, регулярно занимаясь и строевой и физической подготовкой, участвуя в кавалерийских и стрелковых учениях. Он стремился везде добиться успеха. Но больше всего Василий удивлял командира полка и старших офицеров своим безупречным владением штыковых приёмов. В этом искусстве ему не было равных. Да и шашкой владел так, как немногие офицеры казачьих

полков. Для этого, в общем-то, не очень физически сильного человека, такого поражающего удара шашкой никто не мог предположить. Здесь главная сила удара заключалась не в плече, и не в локте, а в гибком не приметном движении



*Полковник Ф.И. Назарбеков, 1902г.*

кисти. Удар Василия был режущим, причём плоскость шашки у него была наклонна к плоскости удара, и он так стремительно отдёргивал её назад, что голова глиняного чучела всегда оказывалась на земле.

И всё это он делал легко и просто. Не было в нём этакой гордыни и бахвальства, наоборот, он старался каждого обучить своим приёмам, передать капельку своего мастерства любому желающему. Его доброжелательность и покоряющая отзывчивость притягивали к нему людей. Офицеры и солдаты вскоре отзывались о нём восторженно и с

глубокой симпатией. В гарнизоне Василия Осипянца считали своим. За несколько лет службы он приобрёл много друзей: капитан Зайцев, штабс-капитан князь Лионидзе, поручики князь Мачабели и Васильев, подпоручик Алексеев-Месхиев. Да ещё его юнкерские товарищи: Василий Фёдорович Фон-Ридигер и Александр Агрушнечный.

Тесные дружеские отношения сложились у Василия и с его непосредственным начальником, командиром 1-й роты капитаном Ф.И. Назарбековым. Тому импонировала деловитость и исполнительность молодого подпоручика, а филигранная техника владения оружием покоряла. Как председателю полкового суда Ф.И. Назарбекову приходилось проводить много времени со своим делопроизводителем Осипянцем, к которому относился с нескрываемой симпатией. Боевой офицер, прошедший Русско-Турецкую войну 1877 года, ему было что рассказать, и он охотно делился своим опытом. Беседы длились подчас часами, и никому не хотелось их прерывать.

Иногда офицеры испрашивали разрешение и отправлялись в соблазнительный Тифлис на выходные. Белый ключ совсем рядом с Тифлисом, и не воспользоваться этим просто глупо. К тому же служба в выходные практически замирала. Ездили по двое-трое, чаще компанией ближайших друзей. Василий Осипянец совершал поездки либо с Сашей Агрушнечным, либо с Василием Фон-Ридигером. Добирались на фургоне, причем фургонщиков-армян, предлагающих свои услуги в гарнизоне, было достаточно. Через 3-4 часа уже в Тифлисе. Заказывали билеты в оперу прямо из номера гостиницы и на Головинский, где блеск, шикарные магазины, нарядно одетая публика и столько красивых женщин.

Офицеры, а тем более гренадерских полков, вызывали восхищение у девиц и женщин. Прохожие часто оборачивались вслед военным с офицерской выправкой. Они это замечали, и им было приятно находиться в обществе, по которому они так соскучились.

А вечером – в Казенный театр, ведь они были лишены духовной пищи в гарнизоне. Опера в Казенном театре. О ней можно только мечтать.

Внутреннее великолепие многоярусного театра потрясало своим дворцовым убранством: золоченые мягкие кресла с малиновой обивкой, замысловатые лепные украшения, бронзовые канделябры, сверкающая хрустальная люстра и в завершение расшитый серебром пурпурный занавес. А какая публика! Сколько прекрасных женщин в вечерних туалетах, военных, блистающих эполетами и орденами, мужчин в европейской одежде. Кругом благородные тонкие лица. Зал погружается в темноту. Льётся божественная музыка. Занавес поднимается и открывает панораму живописных декораций. Игра света, наряды артистов и их голоса, которыми так славилась тифлисская опера, захватывает зал и уносит в далекие страны и времена. Музыка завораживает. Волшебная красота.

Для офицеров отдаленного гарнизона это не удовольствие, а чарующий праздник. Когда ещё они сюда выберутся? К вечеру следующего дня им надлежит быть в полку. Возвращаются, как правило, на том же фургоне с тем же возницей, весёлые, счастливые и возбуждённые.

Снова служба. Ежедневные занятия, строевая подготовка и обучение солдат. 1-я рота капитана Назарбекова, под началом которого служил Василий Осипянц, вскоре владела всеми приемами штыкового боя и была одной из лучших в полку. Гренадеры могли сломить любое сопротивление в ближнем бою. На манёврах они опять отличились так, что командир бригады генерал-майор В.Д. Габаев не мог скрыть своё восхищение и, обняв Назарбекова, громко и отчетливо проговорил:

– Вы, господин капитан, заслуживаете не похвалы, а ордена. Надо же, каких орлов подготовил!

На что Назарбеков со свойственной ему прямоотой молниеносно ответил:

– Ваше превосходительство, искусству штыкового боя гренадеров обучал подпоручик Осипянц. Ему и орден!

Этой похвалой начальства Василий был так воодушевлён, что даже написал родным в Нуху, чтобы и они порадовались его успеху. Отец регулярно получал письма сына. Каждая весточка приносила в семью радость. Все живо читали и обсуждали каждое сообщение. Теперь они не сомневались, что их сын достигнет больших чинов и прославит всю семью. Он ведь был их надеждой ...

Вечерами в офицерском собрании все новости пересказывались, а отличившийся офицер угощал сухим грузинским вином всех желающих. Когда же устраивались танцы, присутствовали все гарнизонные девицы и дамы. Для них это было единственное развлечение в маленьком военном городке. Можно, конечно, прогуляться и по парку, но притягивала музыка. Женщины усаживались в зале в ожидании кавалеров, но офицеров пока нет. Они в буфете набираются для настроения, а уж потом возвращаются в зал и начинается кадрили.

Василий танцевал редко, хотя друзья его не пропускали ни одного случая, чтобы увлечься очередными девицами. Лёгкие увлечения и флирт его мало интересовали, но женское общество было не безразлично. Если уж он приглашал кого-нибудь на танец, то это была необыкновенная и одухотворённая особа, перед которой никто не мог устоять. Её не осмеливались приглашать даже молодые офицеры, боясь отказа. Как удавалось это Василию, никто не понимал. Он не выделялся среди других. Была в нем только поразительная мягкость общения, а его лучезарные серые глаза вызывали доверие и симпатию.

Некоторые офицеры всё это время проводят в бильярдной за игрой. Вокруг наблюдающие, увлечённые поединком. Командир полка, сам заядлый бильярдист, обратился как-то к Василию Осипянцу:

– Позвольте вас пригласить на партию, Василий Кириллович.

– Никогда в жизни не играл, господин полковник, – ответил, смутившись, Василий, – но думаю, что не сложно попасть шаром в лузу.

Офицеры заулыбались и поставили для начала два шара на столе. Удар Василия – шар в лузе. Тогда усложнили расстановку. Короткий хлёсткий удар, и опять шар в лузе. Любые комбинации новичок выполнял с фантастической лёгкостью. Было в этом нечто сверхъестественное.

В бильярдной собралось уже много офицеров, привлечённых шумом и восторженными возгласами. Василию объяснили правила игры и предложили сыграть первую партию. Его противник – лучший бильярдист полка поручик Константин Фаге так и не дождался своей очереди. Один за другим шары необыкновенными ударами Василия замысловатыми траекториями точно клались в лузу. Партия. Взрыв аплодисментов. Равных ему не было.

Василий редко проигрывал, удерживая пальму первенства не только в полку, но и во всей бригаде. Заезжие офицеры, любители бильярда, часто обращались к нему с просьбой составить партию.

Сам великий князь, шеф полка, заглянул в офицерское собрание во время очередной инспекции, чтобы помериться силами с подпоручиком, о котором был много наслышан. Игра Василия произвела на него такое сильное впечатление, что, несмотря на проигрыш, он пригласил подпоручика и командира полка отобедать с ним этим же вечером.

Друзей у Василия было много, и нередко они собирались вместе у кого-нибудь из офицеров. Старшие офицеры, как правило, женатые, проводили свободное время со своими семьями, а молодые устраивали холостяцкие вечеринки. За бутылкой вина они наслаждались беседами в непринуждённой обстановке. Вспоминали свою учёбу в военных училищах, забавные случаи. Весело посмеивались над собственными промахами и ошибками в первые годы службы. Никогда не забывали свои родные места и всегда описывали их с трогательной теплотой.

Такие встречи были задушевными. Они согревали сердца молодых офицеров, оторванных от своих родных на долгие годы воинской службы.

Не меньше волновали и новые военные реформы в Русской армии и события в России. Совсем недавно Российской империей правил император Александр III. Это был настоящий монарх, и он сильной державной рукой умело управлял огромной страной. Он сумел подавить катастрофу надвигающегося либерализма, отрицания и разрушения. Закончились годы терроризма. Российской империи никто не угрожал ни внутри страны, ни за её пределами. И только неожиданная смерть императора в 1894 году оставила незавершённым его дело и вручила шестую часть мира в руки молодого юноши – императора Николая II.

Русские офицеры восхищались Александром и понимали, что его кончина – несомненная потеря для России, двигавшейся в направлении благоденствия и процветания. Высокие начальники, заезжавшие в полк, рассказывали о памятном параде в Петергофе, посвящённом празднованию двадцатипятилетия зачисления Государя в Преображенский полк, когда Император шёл по всем правилам церемониального марша широким шагом, красиво салютуя шашкой впереди своего полка. Это шёл полк титанов с повелителем Великой России. Это была мощь великой страны со своим великаном Царём и великанами солдатами. Великая Россия императора Александра III.

Теперь власть перешла к императору Николаю II, удивительно образованному, обаятельному человеку, но мягкому и не сильному. Куда он поведёт страну и сможет ли предотвратить угрозы, надвигающиеся на Россию? В императоре Николае II не чувствовалось силы его отца. И это понимали многие офицеры, хотя оставались верны идеалам монархии и преданы новому императору. Василий был одним из них. Верность присяге и Императору для него была путеводной звездой. Воинская служба в полку Императорской армии с полной отдачей сил являлась смыслом его жизни, мечтой его детских грёз.

Служба, маневры, встречи с друзьями, праздники в офицерском собрании, поездки в Тифлис. Незаметно летят годы, один за другим, среди друзей в атмосфере взаимовыручки и поддержки.

Через 6 лет Василий Осипянц получает чин поручика, а вскоре его назначают командиром 6-й роты. Вот ведь как, и роста невысокого, среднего, и телосложения небогатырского, что немаловажно для гренадерского полка, а сколько было в нём мастерства, самоотдачи и преданности! Он служил с удовольствием и любовью, с безграничной верой в Великое Царево дело, порой удивляя даже своих ближайших друзей.

В новой должности проявились у него лучшие качества русского офицерства – любовь к солдату и забота о повседневной солдатской жизни. В свободное время Василий мог часами беседовать со своими солдатами, воспитывать их, как своих детей, рассказывать им об истории Русской армии и её блестящих победах в Кавказских войнах, на Балканах, в Европе, о величайших полководцах и подвигах простых солдат, о славной истории родного гренадерского полка. Расспрашивал каждого своего гренадера о семье и близких, обучал грамоте и заставлял писать письма родным. По просьбе неграмотного сам частенько садился и под диктовку писал весточку своим каллиграфическим почерком.

Никому из взводных не позволял рукоприкладства, сам разбирался и за каждого мог вступить даже перед командиром полка. За это его любили и верили каждому его слову. Его гренадеры в случае войны выполнят любой его приказ. Сомнений быть не могло. За своего ротного они готовы были пожертвовать жизнью.

Василий гордился своей ротой. На парадах по случаю приезда начальника дивизии или высочайшего шефа полка он чеканил шаг с высоко поднятой головой, а за ним стройными рядами следовали его

гренадеры. Служба была его призванием. Порой казалось, что он был рождён Воином.

Естественно в офицерской среде он пользовался авторитетом и уважением. Он был старше других поручиков по возрасту, и многие из них обращались к нему, как к старшему офицеру и только по имени и отчеству. Даже командир полка, бывало, сбивался в разговоре с ним с "Василия" на "Василий Кириллович". Кстати, величать его на русский манер Василием Кирилловичем начали с первого года службы. И лишь друзья по Михайловскому юнкерскому училищу продолжали звать его Василием. Единственный среди них М. Ломидзе, с которым они время от времени встречались в Тифлисе, позволял себе вольности и называл его Осипом, а иногда Осепом. Но это был Миша, с которым их связывала бескорыстная дружба не один год.

В июне 1900 года Василий получил короткую записку от Михаила Ломидзе.

"Василий, дорогой, приезжай, если можешь, в ближайшие выходные. Переводят служить в Россию. Хочу с тобой проститься. Твой друг Михаил".

Отказать ему командир полка не мог. В воскресенье Василий был уже у Ломидзе. Михаила переводили в Варшавский военный округ, в интендантское управление и, естественно, родные переживали, что сын будет жить так далеко от дома. Василия уже ждали. В этом доме ему всегда были рады, но встреча получилась с оттенком грусти. В суматохе прощального обеда не удалось даже серьёзно поговорить с Мишей. А ведь столько надо было рассказать, о многом побеседовать, посоветоваться, а он, Василий, не успел высказать Мише всё, что хотел. Он только смотрел на улыбающегося друга, вечно смеющиеся его глаза и думал, сумеют ли они когда-нибудь увидеться вновь. Это был его закадычный друг, товарищ по училищу, с которым вместе прожили многие годы. Грустно расставаться с верными, надёжными друзьями, тем более с таким весёлым

и зажигательным человеком, каким был Михаил Ломидзе. Больше они не встретятся. У Василия только будет храниться прощальная фотография Миши с дарственной надписью: "Дорогому Осепу от М. Ломидзе. 29.IV.1900 г."

Пришлось вскоре расстаться и с Сашей Агрушечным. Он переводился в другой полк поближе к Киеву, откуда был родом. Василий обменялся с ним фотографиями. Это была традиция ещё с юнкерских времён. На фотографии Саша вывел посвящение: "От доброго сердца одному из немногих – А. Агрушечный" и приписал внизу: "Хорошему Василию Каграмоновичу Осипянцу. 19 августа 1900 г."

Покинул полк в 1902 году теперь уже полковник Ф.И. Назарбеков. Он получил новое назначение – командиром 4-го Андиганского резервного батальона. На прощание он подарил Василию свою фотографию. Надпись на обороте гласила: "Глубокоуважаемому и дорогому Василию Кирилловичу – Фома Иванович Назарбеков. 19 мая 1902 года".

Неизвестно, что повлияло на настроение поручика Осипянца, возможно отъезд друзей, а может, однообразная жизнь в гарнизоне, но в последнее время в его добрых серых глазах затаилась грусть. Стал сторониться общества, засиживаясь в одиночестве за книгами. Перестал посещать даже офицерское собрание, хотя многие гарнизонные девицы настойчиво его приглашали. Совсем забросил бильярд. После службы – либо домой, либо в солдатские казармы, где простые русские солдаты нуждались в его помощи. Как бы не было тяжело, он не мог оставить их без внимания. Офицеры были удручены и пытались, как могли, поднять его настроение. Не осталось состояние Василия без внимания и командира полка.

Полковник Василий Владимирович Ранцев был человеком чутким и отзывчивым. Заботу о своих офицерах он всегда ставил превыше всего. К их нуждам и просьбам относился предельно внимательно. За это в полку

его любили и уважали. За глаза ласково называли Василичем. Настроение поручика Василия Осипянца его беспокоило. Нет, к службе не было претензий. Поручик по-прежнему служил образцово, но вот эта тоска во взгляде не давала командиру покоя.

Как командир и умудрённый опытом начальник он решился действовать.

"Надо с ним побеседовать", – подумал Ранцев и вызвал поручика к себе для разговора.

Василий, войдя в кабинет командира, начал было:

– Господин полковник! Поручик Василий Осипянец по вашему приказанию ..."

Но Ранцев прервал его и, указывая на стул, пригласил:

– Садись Василий Кириллович. Прости меня, старика, что совсем позабыл о твоём отпуске. Давно ты не был в Нухе?

– 6 лет. Последний раз в сентябре 96-го, – пробормотал Василий.

– Так вот. Бери отпуск с 1 сентября на два месяца и поезжай к родным. Ты многое сделал и для полка и для бригады в целом за эти годы. Пора отдохнуть. За своих солдат не беспокойся. Я сам о них позабочусь. И ещё у меня к тебе просьба. Даже не просьба, а приказ. Найди себе хорошую невесту, – и добавил, шутя, – без помолвки не возвращайся, в полк не приму.

Глаза Василия сияли. Полковник встал и, обняв его по-отечески, посоветовал:

– Отправляйся, Василий Кириллович, завтра же.

Утром следующего дня Василий уже был в дороге. В Тифлисе посадка на поезд до Евлаха, затем фургоном в Нуху. Поручик спешил. Он не сделал остановки даже в Тифлисе.

## Глава IV. Снова Нуха

2 сентября 1902 года ближе к полудню фургон, в котором ехал Василий Осипянц, подъезжал к Нухе. Вдали уже виднелись предгорные холмы Главного Кавказского хребта. Осталась позади Аджинаурская степь. Показались окрестности города. Отдельно стоящие крестьянские дома с огородами и садами. Дорога постепенно превращалась в улицу. Это уже Нуха. Дом мельника Каграмона там, вдали за перекрёстком.

– Вам куда, господин офицер, на базар или на Торговую? – обратился фургонщик к своему пассажиру.

– Останови здесь, голубчик.

Василию хотелось пройти пешком по с детства знакомой улице. Всё было такое родное: эта улица, эти дома, деревья с густыми кронами и кусты ежевики вдоль оград и заборов. Соседи смотрели с любопытством и удивлением на молодого красивого офицера с золотыми эполетами, медленно продвигающегося вдоль улицы. Картина была непривычная. Не часто встретишь офицера на окраине города.

Василия охватило сильное волнение, когда он подошёл к своему дому. Он приезжал сюда шесть лет назад, да и свои юнкерские каникулы всегда проводил с родными. Все эти годы писал письма и открытки, рассказывая о своей жизни в полку. Отец никогда не забывал отвечать и о всех событиях дома ему сообщал. Но это были письма. Теперь он был тут рядом. Перед калиткой мельника стоял его сын – поручик, офицер Царской армии. Наконец, он вошёл во двор и остановился. Он увидел свою мать –

маленькую, постаревшую, совершенно седую. Она хлопотала у большого котла и не видела его. У Василия сжалось сердце. Какая же она стала маленькая за это время!

– Мама, – крикнул он и кинулся в объятия, которые уже раскрывала ему эта высохшая седая женщина.

Продолжая целовать сына, она ласково повторяла время от времени:

– Барсег, Барсег, цавт танэм Барсег! Как же долго мы ждали тебя.

На её возгласы и крики высыпали родные: отец, Роза, её девочки и её маленький сын Арутюн. Все обнимали его. Отец же был настолько смущён офицерской формой сына, что в первое мгновение не знал, как ему называть сына: то ли Василием, то ли Василием Каграмоновичем. Подсказала родная кровь и, обнимая Василия, он произнёс:

– Барсег, сынок, какая радость. Дай-ка я на тебя посмотрю. Пойдём, я угощу тебя с дороги хорошим нухинским вином. Сам приготовил.

Но Эгине прервала мужа:

– Барсег устал, давайте накрывать на стол. Такое счастье! Роза, девочки, помогите мне.

За большим столом, накрытом по случаю приезда сына, собралась вся семья. Гости, шумные разговоры, обычные для армянских семей, вопросы со всех сторон. Всё это безусловно утомительно, когда ты только что приехал. Но вместе с тем, какое это счастье быть снова в окружении родных, сидеть с ними за одним столом и видеть всех вместе. Василий снова дома, рядом мать, отец, Роза. Нет только Элизабет. Она живёт с мужем в Баку и редко навещает отчий дом.

У Розы – трое детей. Две уже взрослые прелестные девочки: Елена и Согоме. Они несколько застенчивы в обществе дяди, но старательно ухаживают за ним. А сын Розы Арутюн Василия даже не узнал. В предыдущий приезд дяди ему всего-то было полтора года, и он мало что понимал. Сейчас же восьмилетний мальчик с восхищением смотрит на своего "дядю Васю" офицера и не отходит от него ни на шаг.

Василий прижал к себе племянника, потрепал ласково по волосам и предложил:

– Завтра мы поедем с тобой посмотреть город, не возражаешь?

– Да, дядя Вася, – с радостью согласился мальчик.

После приезда сына в доме мельника каждый день царил оживление. Все комнаты тщательно убирались, готовились вкусные армянские блюда, пеклись пироги, и запахи ароматных трав и душистого теста разносились по всему дому. Не проходило и дня, чтобы не было гостей. Соседи приходили целыми семьями, не забывая своих молоденьких дочерей – девиц на выданье. Они знали Василия с детства и любили его за добрый нрав и отзывчивость. Он ведь никому никогда не отказывал в помощи. Теперь он офицер и завидный жених, авось приглянется чья-нибудь дочь. Да и просто пообщаться с ним было приятно, послушать его рассказы о столичной жизни и офицерской службе, высказаться по нухинским новостям, полюбоваться молодым человеком в нарядном офицерском мундире с эполетами. Не каждый день такое случается.

Дочери Розы опекали "дядю Васю" и старались угодить ему во всём, а маленький Арутюн следовал за дядей повсюду. А как была рада мать. Она вся светилась тихой радостью, и временами казалось, что разглаживаются глубокие морщины на её лице. Счастье приносит умиротворяющее успокоение. Она посматривала украдкой на своего мальчика и думала, как же Господь был милостив к ней, одарив таким замечательным сыном.

Что же до Каграмона, так у того дни превратились в сплошной праздник. Он сопровождал своего сына по всей Нухе. Они ездили на коляске, посещая поочерёдно и мельницу, и центр города, и Армянскую церковь.

Василий был по натуре скромным человеком, и такие поездки по городу у всех на виду его несколько смущали. Но просил и настаивал отец,

и Василий уступал его просьбам. Он понимал, как важно для отца быть рядом с сыном-офицером, как отец гордится им и, естественно, хочет, чтобы все горожане видели их вместе. Они всегда брали с собой и маленького Арутюна, для которого эти поездки были целым приключением и которые он с детским нетерпением ожидал.

По торговой улице ходили обычно пешком, заходя в магазины и лавки и рассматривая товары. В Нухе было несколько дорогих магазинов. В одном из них Василий в первое посещение приобрёл подарки племяннику и племянницам. Для Розы купил изящное золотое колечко, матери – чудесную шерстяную шаль, чтобы не мёрзла зимой, а отцу – серебряные часы с цепочкой. Жалованья поручика было достаточным, и он мог себе позволить такие подарки.

Ну, а Каграмона этот подарок привёл в такое восхищение, что он радовался, как ребёнок. Всю дорогу вынимал часы, поглаживал их, щёлкал крышкой и сообщал сыну время.

Неприменно заходили на рынок купить свежие фрукты, арбуз или дыню и вновь на коляске возвращались домой к обеду.

Муж Розы, местный кондитер, не переставал приносить свежие пирожные и изумительную нухинскую рисовую халву к чаю. Семья Розы жила недалеко на этой же улице. Тут армяне жили отдельной колонией, не смешиваясь с татарами. И это не случайно. В случае чего могли постоять за соседа, да и дома строили, как правило, с потайным выходом на другую улицу. Во время резни через этот выход можно было незаметно скрыться. И такое случалось в Нухе за прошедшие десятилетия.

Однажды в центре города Василий встретил своего товарища по Тифлисскому юнкерскому училищу Алексея Дружинина. Вот ведь как бывает! Неожиданная встреча и какая! Объятия старых друзей. Посыпались вопросы, но разве тут наговоришься на улице. Столько времени утекло, такая встреча – редкость, и о многом надо поговорить,

многое вспомнить. Им обоим не хотелось расставаться, и Алексей уговорил Василия заехать к нему.

– Познакомишься с моими. Отец сейчас на службе, а мать с сестренкой дома. Вот обрадуются! Я о тебе им столько рассказывал, – непрерывно говорил он, пока ехали, – сейчас по параллельной Торговой, второй дом от угла. Вот он. Приехали, господин поручик.

Василия встретили радушно, как старого доброго знакомого. И, конечно же, беседа в этой славной доброжелательной семье затянулась на несколько часов. Друзья вспоминали Михайловское училище, Тифлис, общих друзей, рассказывали о своей офицерской службе. Время пролетело быстро, и Василий поднялся. Сестра Алексея Зоя, молодая общительная девушка с добрыми ласковыми глазами, пыталась удержать Василия.

– Василий Каграмонович, подождите еще чуть-чуть. Скоро вернется папа, – упрашивала она.

Нет, он не может больше задерживаться. Его ждут дома к обеду. Он обещал отцу вернуться и знал, что родные не сядут к столу до его прихода. И он стал прощаться.

Расставаясь с ним, Зоя предложила посетить офицерское собрание через два дня.

– Там будет бал, и вы увидите наших нухинских красавиц. К нам заходите запросто, мы всегда вам рады, – добавила она, улыбаясь Василию уголками губ и ямочкой на щеке.

На том друзья и расстались, условившись встретиться через два дня вечером в офицерском собрании.

Офицерское собрание – небольшое двухэтажное здание располагалось рядом с крепостной стеной недалеко от центра. Друзья встретились перед входом, и Зоя, знакомая с внутренним расположением помещений, уверенно повела их наверх по широкой лестнице на второй этаж. Большой зал был хорошо освещен и нарядно убран. Играла музыка, но танцующих еще не было. Зал наполнялся постепенно молодыми

офицерами местного нухинского гарнизона. Все молоденькие девицы в бальных нарядах под эскортом своих родителей рассаживались у противоположной стены вдаль от музыкантов. Чувствовалось, что все друг друга хорошо знают. Нуха ведь город небольшой.

Василий с Алексеем находились рядом с Зоей, когда та радостно воскликнула:

– А вот и Лиза Мелик-Алахвердова – моя близкая подруга. Вы ведь не знакомы, Василий Каграмонович?

Он увидел молоденькую девушку в строгом бальном платье. Черные волосы свободно уложены в длинную косу. Голова высоко поднята, в походке столько достоинства и неприступности, в глазах – уверенность. Она была не одна, вместе с матерью и сестрой. Увидев Зою, она улыбнулась и, прошептав что-то матери, направилась к ней. Подруги радостно обнялись.

– Лиза, позволь тебе представить поручика Осипянца, – предложила Зоя и добавила, – он здесь в отпуску, за ним надо поухаживать. Вы, верно, не знакомы.

Василий поклонился. Он был очень смущен. На него смотрели глубокие карие глаза, оттененные пушистыми ресницами. На губах девушки витала улыбка. Она была само очарование.

– Можете называть меня Лизой. Мы с Зоей закончили гимназию только год назад и не очень важничаем, – она протянула ему руку.

Василий был несколько скован вначале. С первого взгляда он с поразительной ясностью вспомнил их первую встречу во время сбора винограда, ту маленькую княжну с широко раскрытыми глазами. Неужели эта та самая девочка! Не может быть! Но вспомнила ли она его, он не знал.

Громче заиграла музыка, и начались танцы. Весь вечер Василий танцевал только с Лизой Мелик-Алахвердовой. Его охватило удивительное чувство нежности, в нем проснулось всепоглощающее

желание быть рядом с ней, смотреть в её прекрасные одухотворенные глаза, говорить с ней, видеть её улыбку на устах.

А Лиза? Она была покорена необычайной добротой его серых лучезарных глаз, спокойствием и уверенностью. Потайные уголки её памяти навсегда запечатлели того юношу из далекого детства, и она, как и он, вспомнила ту встречу.

– Мы ведь с вами знакомы, Василий Каграмонович, – обратилась она к нему во время танца, – помнится, в детстве вы подарили мне самую сладкую кисть винограда. Ведь вы – Барсег. Вас тогда все звали Барсегом.

Вот так, совершенно случайно, пересеклись их пути. Говорят, кто не верит в случайность, тот не верит в Господа Бога. Скажете, что совпадение. Нет, судьба! Стрелы Амура пронзили их сердца одновременно и наполнили их божественным чувством любви.

Все оставшееся время, пока Василий был в Нухе, они продолжали встречаться. Он томительно ожидал новых свиданий со своей избранницей. Она нужна была ему как воздух, как сама жизнь. Без Лизы он не мог существовать. Их всё время видели вместе. Иногда они совершали прогулки вместе с Дружиниными, иногда отдыхали в сквере, бывали часто в офицерском собрании. Не важно где, лишь бы вместе. Они наслаждались общением, счастьем, дарованным свыше.

Надо было делать предложение, но Василий всё медлил. Он прекрасно понимал, что Лиза согласна и ждёт этого. А он всё не решался. Этот сильный и решительный человек испытывал сейчас страх. Его пугала возможность отказа, и он мучительно размышлял: "Мелик-Алахвердовы – один из знатных армянских княжеских родов, корнями уходящий в древнейшие времена. Само значение "Алахверды", т. е. "с благославления Аллаха" указывало на вековую родословную. Он же – сын Нухинского мельника. Возможно ли его бракосочетание с Лизой? Не будет ли возражать княгиня?"

Но жизнь без Лизы теряла всякий смысл, и он принял решение, тем более, что до его отъезда оставалось всего несколько дней.

Мелик-Алахвердовы приняли его торжественно и благосклонно. Вся семья была в сборе. Мать Лизы княгиня Софья Мелик-Алахвердова дала свое согласие и благословление. Да иначе и быть не могло. Его знали с детства, восхищались его целеустремленностью и трудолюбием. Вид Василия в офицерской форме, его выправка завораживали, а его добрые серые глаза излучали столько любви и доброты. Ему невозможно было отказать. Была только единственная просьба княгини – отложить свадьбу до весны.

– Проверьте свои чувства, – уговаривала княгиня, – Вы ведь только встретились. А через полгода устроим свадьбу здесь в Нухе. Нам, родным, тоже не терпится присутствовать при таком событии.

Мать Лизы можно понять. Она дала свое согласие, но в глубине души пыталась воспрепятствовать и под любыми предлогами оттянуть окончательную церемонию. Лиза была её любимицей и, естественно, она желала выдать её за дворянина, обеспечив дочери счастливую безбедную жизнь. Выйти замуж за офицера – всегда риск. А вдруг, не дай бог, война, ранение или смерть. Что будет тогда с Лизой? Поэтому княгиня исподволь сопротивлялась сближению двух любящих сердец. "Авось через полгода одумаются, и свадьба не состоится", – думала она.

Когда Василий прощался с Лизой, у неё в глазах стояли слёзы. Он обещал писать и просил только потерпеть до весны. Она не знала, сможет ли она выдержать это время вдали от этого прекрасного человека. Молодой поручик Василий Осипянц, тот юноша Барсег, навсегда вошёл в её сердце.

Весной свадьба не состоялась. Семья Осипянц в Нухе осиротела. Всегда-то мы думаем, что родители будут жить вечно, но наступает день,

когда мы их теряем. Сначала умерла мать Василия, а через два месяца хоронили и мельника Каграмона. Не смог пережить он потерю жены.

Василий приехал, как только получил сообщение от Розы. Поспеть на похороны он не успел. Отца уже похоронили, когда пришло известие в Белый Ключ. Два небольших холмика на старом армянском кладбище – все, что осталось от его родителей, которых он любил и уважал. Они сделали для него всё, что смогли, и будут жить теперь только в его памяти. Навечно.

Вместе с Розой Василий долго стоял перед их скромной могилой, ограждённой небольшой оградой. Он не умел плакать, переживал горе в глубине души, в самом сердце.

– Папа так хотел повидаться с тобой, – разрыдалась Роза, – за день до смерти всё звал тебя: "Барсег, Барсег".

Василий обнял Розу, чтобы успокоить её. Теперь они оставались совсем одни: брат и сестра Осипянц.

По случаю траура свадьбу перенесли на осень. Только в сентябре 1903 года в Нухинской Армянской церкви состоялось бракосочетание поручика Барсега, он же Василий, Осипянца с девицей Елизаветой Мелик-Алахвердовой. Присутствовали мать Лизы, родные жениха и невесты и многочисленные гости. Молодые супруги были счастливы. Через два дня они покинули Нуху на фургоне. Две повозки с приданым Лизы и свадебными подарками следовали сзади. Для Лизы княгиня не пожалела ничего: пианино Адольф Хорн, английскую швейную машинку "Виктория", тонкое изысканное бельё с монограммой "ММ" от "Мюр э Мюрилиза", фамильное серебро и дорогое кольцо с алмазами.

Алексей и Зоя Дружинины сопровождали молодых до самого Евлаха в целях безопасности.

Прощаясь со своей подругой, Лиза прошептала:

– Зоинька, пиши, не забывай. Я тебе сообщу адрес, как устроимся.  
Спасибо тебе за всё.

## Глава V. Тифлис

В Белом Ключе Василия Осипянца с супругой встречали по-царски. Командир полка В.В. Ранцев распорядился даже выстроить почётный караул в честь этого события и сам встречал молодых. Он был рад за своего поручика, а Лизу расцеловал в обе щеки.

– Добро пожаловать в 14-й Гренадерский полк, Елизавета Иосифовна. Дом мы вам уже приготовили. Отдохните с дороги, а вечером прошу в офицерское собрание на праздничный обед в вашу честь.

Это был не праздничный обед, а настоящий бал с музыкой и танцами. Офицеры в парадной форме под руку со своими жёнами подходили торжественно и представлялись Лизе. Все желали Василию и его супруге добра и счастья. Во время обеда было сказано много проникновенных тёплых слов и тостов.

Лиза до глубины души была тронута вниманием офицеров и под конец вечера не удержалась и под аплодисменты села за рояль. Зал притих при звуке первых аккордов неповторимых русских романсов. Их нежное исполнение трогало душу каждого. Голос у Лизы был небольшой, но в нём было столько одухотворённости и глубины чувств, что присутствующие приняли её исполнение восторженно. Для офицеров, оторванных от больших городов, это было бесценным подарком, и они оценили это по достоинству.

В Белом Ключе супруги Осипянц провели всего несколько дней. Василий получил новое назначение в 15-й Гренадерский Тифлисский полк,

и они готовились к отъезду. Лиза внесла в монотонную гарнизонную жизнь частичку своего обаяния и доброты. За короткое время пребывания в Белом Ключе она пленила всех: от младших офицеров до командира полка. Супругов повсюду встречали ласково, от приглашений отбоя не было. Они постоянно были неразлучны. Всё доставляло им удовольствие: прогулки по гарнизонному парку, душевные беседы в ротонде, встречи с друзьями, застолье в офицерском собрании.

Лиза не забыла навестить и солдатские казармы. Она не делала разницы в сословиях. Для неё каждый солдат был защитником и воином. С каждым знакомилась и каждого расспрашивала. Её простота проникала в их сердца.

Конечно, Василию было грустно расставаться с полком, в котором прослужил около десяти лет. Друзья утешали, говорили, что Тифлис – рядом, будут навещать его и Лизу и не забывать.

Начавшийся в Белом Ключе свой медовый месяц они продолжили в Тифлисе. Небольшая квартира на Гановской улице была теперь их домом. Они сняли её в Сололаках недалеко от Силиковского дома.

Силиковы – дальняя родня Мелик-Алахвердовых, а жить рядом с родственниками всегда приятно и удобно, особенно в большом городе.

Штаб 15-го Гренадерского полка находился тоже недалеко, в низине Саперной улицы, и Василий отправлялся на службу каждое утро пешком. Приятно прогуляться по утренним тихим улицам, да и идти было всего-то минут десять. За площадью Паскевича Эриванского, мимо Духовной семинарии, чуть левее вниз.

Лиза терпеливо ожидала дома своего "сероглазого рыцаря", как она про себя его называла. Она приобрела необходимую мебель, люстры, портьеры и обставила квартиру с большим вкусом. Ей так хотелось, чтобы её Вася чувствовал себя дома уютно.

В свободное время и в выходные дни они много гуляли, наслаждаясь своим счастьем.

Тифлис за последние годы изменился и похорошел. Широкий Головинский проспект по вечерам ярко освещался фонарями. На всём его протяжении появилось много новых зданий чудной архитектуры. Сразу за дворцом наместника возвышался монументальный Александроневский военный собор в византийском стиле, а на другой стороне, за Александровским садом – изумительное по красоте здание Артистического общества. Город ласкал влюблённых, щедро открывая им свои богатства, накопленные за многовековую историю. Они бродили по маленьким старинным уютным улочкам, восторгаясь необъятностью древних соборов и изяществом маленьких церквей, наскальными крепостными стенами с башенками и причудливыми резными балконами старых домов. По вечерам ездили в оперу, либо посещали театры, а то и просто отдыхали в знакомом Александровском саду. Лиза и раньше бывала в Тифлисе с матерью, но лишь теперь ощутила всю прелесть этого загадочного гостеприимного города. Может, оттого, что была влюблена и счастлива.

Иногда оставались дома. Хотелось просто побыть вместе, насладиться взаимным чувством нежности и любви. Они были вместе друг с другом, и это было важнее всего.

Днём, когда Василий был на службе, Лиза часто вспоминала Нуху. Без мужа у неё не было желания ходить по магазинам или посещать знакомых. Она рассматривала фотографии родных, вспоминая свой родной город, маленький, но такой близкий и дорогой. В этом городе она выросла. Там прошло её детство и юные годы. Её отец – князь Иосиф Мелик-Алахвердов обожал своих детей и разрешал им любые шалости и проделки. Его внезапную смерть в 1901 году они все тяжело переживали. Хозяйством и воспитанием детей теперь занималась мать, княгиня Софья, строгая, но заботливая. Она уделяла детям много внимания, не жалея

средств на их образование. Все её девочки: Саша, Лиза, Сирануш не только окончили Нухинскую женскую гимназию, но получили и музыкальное образование. Лиза брала ещё уроки танцев. Сын княгини Гриша учился сейчас в Лейпцигском университете в Германии. И только самая маленькая – Маруся, которой вот-вот исполнится шесть лет, поступит в гимназию через два года.

Лиза задумалась, вспоминая свой отъезд и последнее прощание. Маруся даже расплакалась. Боже мой, как хочется всех увидеть, обнять и расцеловать, как не терпится рассказать родным о своей жизни с мужем, с этим удивительным, мягким и внимательным человеком. И она, не долго думая, начала писать письмо в Нуху.

Василий служил сейчас в новом полку и чувствовал себя немного потерянным в непривычной обстановке без прежних старых друзей. Лишь безудержная всепоглощающая любовь поддерживала и согревала его.

Их часто навещали офицеры из Белого Ключа, но это были мимолётные встречи, и Лиза это понимала. Надо создать мужу круг общения, познакомить с офицерскими семьями, сделать его жизнь содержательной и интересной. Она принимается немедленно осуществлять задуманное.

Буквально через несколько дней она ласково, но настойчиво убеждает Василия принять приглашение и побывать у Силиковых – её дальних родственников.

– Васенька, это ведь совсем рядом, в конце Гановской у скалы. Приём только для своих, – шепчет она, и он соглашается.

Барский особняк Силиковых на Бебутовской улице Лиза хорошо знала. Он действительно упирался в Гановскую улицу и был недалеко, тут Лиза была права. Но сам приём был роскошный. Сам генерал-майор Степан Артемьевич Силиков со своей женой встречал их у подъезда и радостно им улыбался, пока они шли по дорожке большого ухоженного

двора и сада. К своей племяннице Лизе они испытывали особую симпатию и нежно расцеловали её.

– Дядя, тётя, я так рада вас видеть. Разрешите вам представить моего мужа Василия Каграмоновича Осипянца, поручика Тифлисского Гренадерского полка.

Василий поклонился и поцеловал руку супруги генерала.

– Рады, очень рады. Заждались уж вас. Прошу вас, проходите, – дружелюбно, по-родственному пригласил генерал.

Большая зала Силиковых блистала великолепием. Красивая французская мебель, картины в золочёных рамах, канделябры, дорогие вазы с цветами – всё говорило о богатстве владельцев. Приглашённых было не так много: кроме родственников несколько нарядных приятных женщин и офицеров старших чинов. Была и молодёжь: две молоденькие племянницы генерала – Сусанна и Зоя и его два сына – поручики Александр и Николай.

Многие уже хорошо знали Лизу и сердечно приветствовали её с супругом. Лиза была общительна и жизнерадостна, а её глаза не могли скрыть её счастья. Она перезнакомила Василия со всеми гостями и всю старалась, чтобы ему здесь понравилось.

Атмосфера была простая и родственная, и Василию было приятно находиться среди этих милых людей. Поручики Александр и Николай, узнав, что он служил вместе с полковником Назарбековым, сообщили о своём переводе в 4-й Андижанский батальон. Там Назарбеков был командиром, и им хотелось служить именно под его началом. О нём ходили целые легенды.

Беседу прервал генерал Силиков.

– Господа, – любезно обратился он к гостям, – прошу всех в столовую отобедать.

Вечер был очень интересный. После обеда Лиза даже села за рояль под настойчивые уговоры собравшихся и сыграла несколько вальсов

Шопена, а на прощание романс "Молитва девы". Она была без сомнения душой этого приёма.

Они приобрели много новых друзей, им стало легче жить. Появилось общество. Посыпались приглашения. Они стали часто бывать в офицерском собрании по соседству с Главным штабом Закавказского военного округа.

Как-то на улице они встретили полковника Назарбекова, и он немедленно повёз их к себе в фамильный особняк на улицу фельдмаршала Гудовича. Несколько часов удерживал супругов у себя, угощая вином и фруктами. Встреча с Василием его так растрогала, что он лично пошёл провожать их до подъезда. Лиза его просто очаровала своей необычайной духовностью и добротой, и он обещал помогать им при возникновении любых проблем.

Жизнь в этом шумном, гостеприимном городе становилась насыщенной впечатлениями, а их взаимная любовь делала её просто необыкновенной. Для Василия Лиза была сокровищем, другом, человеком, ради которого только и можно жить. Иногда у него кружилась голова, и он спрашивал себя: "Возможно ли, это? Не сон ли?"

Наступал канун 1904 года, и повсюду ходили упорные слухи о возможной войне с Японией. Тучи сгущались на Дальнем Востоке. Правда, Российское правительство считало, что Японская армия не представляет серьёзной угрозы, но полки Русской Императорской армии стали подтягивать к Уралу.

В ночь с 26 на 27 января 1904 года Япония начала военные действия, учитывая неподготовленность России к ведению войны на Дальнем Востоке. Это была скоротечная война. Трагическая и позорная страница для Русской армии после блистательных побед над турками в 1878 году.

Некоторые кавказские гренадерские полки пока оставались в Закавказье, в том числе и 15-й Тифлисский, где служил Василий. Однако Лизу военные сводки очень волновали.

В 1904 году она была в положении, и супруги с нетерпением ждали рождения ребёнка. Казалось, ничто не могло помешать их семейному счастью и благополучию, их мечтам о безоблачном и светлом будущем, но, похоже, пророческие опасения матери Лизы – княгини Софьи начинали сбываться. Он ведь был офицером, и всё могло случиться.

Так и произошло. В ноябре 1904 года Василий Осипянц был произведён в штабс-капитаны и откомандирован в распоряжение 225-го запасного батальона Казанского военного округа командиром 4-й роты в г. Вятку. Он не дождался рождения ребёнка.

Неудачи в сражениях под Ляояном и Шахе, падение крепости Порт-Артур в декабре 1904 года отзывались болью в сердцах миллионов русских людей.

В это трудное время Лиза была одна без мужа. Конечно, её опекали Силиковы и часто навещали друзья. Мать и сёстры готовы были выехать в Тифлис, чтобы помочь ей, но она удерживала и успокаивала их. "Здесь много друзей. Мне помогают Силиковы. Справлюсь сама, не тревожьтесь", – писала она в Нуху.

Заботу о Лизе, как о собственной дочери, принял на себя генерал Силиков, и он был первым, кто узнал 12 декабря 1904 года, что Лиза родила мальчика. Она назвала сына Мишей и немедленно написала мужу, поспешив сообщить ему радостную весть. Через две недели ребёнка крестили в Армянской церкви Сурб-Геворг. Крёстным отцом был генерал Силиков.

А в это время на другом конце империи продолжалась война. Поражение Русской армии под Мукденом в феврале 1905 года и гибель русской эскадры 14 мая 1905 года приблизили катастрофу и конец войны. Россия понесла огромные потери. Десятки тысяч солдат и офицеров

погибли на полях сражений, десятки тысяч были взяты в плен. Молодые, красивые, смелые двадцатипятилетние прапорщики и поручики отдали свои жизни на этой далёкой войне.

Трагедию пережил и генерал Силиков. Оба его мальчика, молодые офицеры, погибли. Возможно ли перенести такое горе?

Василий получил письмо от Лизы о рождении сына одновременно с сообщением о гибели детей генерала Силикова, и он тут же отправил письмо с глубоким соболезнованием в Тифлис.

Ваше Превосходительство,  
Глубокоуважаемый Дядя  
Степань Артемьевичь!

Только что получил от Лизы письмо, где она пишет о тяжком горе, постигшем Вашу семью. Всем сердцем, всей душой сочувствую и разделяю Ваше горе, которое так неожиданно омрачило Ваши дни; смиренно склоняюсь пред Промыслом Божиим, возношу горячие молитвы за упокой души Ваших героев, безвременно погибших на поле чести; мир их праху, земля пусть будет им пухом; сражённые неприятельской пулей, два брата, обнявшись, легли в общую могилу, честно исполнив веление совести и присяги; кровавая Порт-Артурская трагедия поглотила их юные жизни; они ушли из мира сего, оставив бессмертные подвиги в назидание потомству; их подвиги не умрут, – отныне они достояние истории. Честь и слава отцу и матери, которые сумели воспитать таких детей; это их истинное украшение, ими смело можно гордиться. Горе Ваше и Супруги Вашей тяжело, что и говорить, но сознание, что Ваши сыновья погибли, верные своему долгу, отошли в вечность, защищая Царево дело, умерли так, как немногие умирают, – это сознание должно облегчить Ваши страдания; не проливайте Ваших драгоценных слёз и не тревожьте вечный покой героев-сыновей; слёзы только прибавят лишнюю морщинку на

Ваших добрых челах; не оплакивайте героев, ибо их оплакивает вся Россия, оплакивает всякий честный гражданин.

Пусть это сознание укрепит Ваши силы, пусть оно облегчит Ваши страдания, пусть оно будет Вашим нравственным утешением, а я молю Бога, чтобы это испытание для Вашей семьи было последним, чтобы никогда ничто не тревожило Ваш покой.

Приношу Вам глубокую благодарность за всё доброе, что сделали Вы как для меня лично, так и для семьи моей.

Лиза в каждом письме мне писала, как вы отечески заботились о ней; не знаю, что бы было с ней, если Вас не было в Тифлисе, когда я уехал. Сердечно признателен и за то, что оказали мне высокую честь, став крёстным папашей моего первенца; Лиза этому обстоятельству бесконечно рада, а я тем более; все мои мысли и старания направлены будут к тому, чтобы мой сын, если мне суждено его видеть, был достоин своего Крёстного папаши.

О себе ничего нового не могу сообщить; знаю, что Лиза делилась с Вами всем, что я ей писал; пока мы в Вятке, а что нас ожидает, куда завтра попадём, – ничего решительно неизвестно. Сердечный привет Вам и Супруге Вашей; удастся ли когда-нибудь отплатить Вам за Ваше сердечное отношение; во всяком случае, я у Вас в большом долгу.

10 марта 1905 г.

г. Вятка

Глубокоуважающий Вас, Ваш зять

Василий Осипянц

Только в начале января 1906 года Василий возвращается домой в Тифлис. Его направляют в прежний 15-й Гренадерский тифлисский полк в 3-й батальон. Ему не довелось участвовать в войне. Разгром эскадры адмирала Рождественского при Цусиме предопределил окончательное поражение России. Многие полки и соединения возвращались к месту своей постоянной дислокации, так и не доехав до района боевых действий.

Россия была в трауре. Особенно остро переживали горечь поражения и гибель боевых товарищей офицеры. Горькие мысли неотступно бередили душу и штабс-капитана Осипянца на всём пути следования в Тифлис. Единственное, что согревало, так это предстоящая встреча с Лизой и сыном.

Наконец он дома. Ему открывает Лиза, и он сжимает её в своих объятиях, целует мокрые от слёз её глаза, губы, такие знакомые и такие родные. Она тянет его в гостиную, и Василий впервые видит своего мальчика. Маленький рядом с нянькой, уже ходит. Ему один год и один месяц. Василий берёт его на руки, целует, прижимает к себе жену и долго держит их в объятиях. Это не сон, это реальность. Теперь у них семья. Сердце Василия оттаивает. Чувство нежности и гордости охватывает всё его существо. Он – "папа".

Мелик-Алахвердовы были в курсе всего, что происходило в Тифлисе. Лиза писала часто, и каждое её письмо родные встречали с радостью. Письма тщательно перечитывались, и родители молниеносно реагировали, если их дочь нуждалась в помощи. Дух сплочённости и взаимоподдержки царил в этой дружной благородной семье. В этом была сила древнего рода.

Очередное Лизино письмо они получили в начале мая 1906 года.

Дорогая мама!

Письмо и посылку вашу получила совсем недавно. Благодарю за все добрые слова и ваше участие. Вы даже не представляете, как я соскучилась по родному дому. Не проходит и дня, чтобы всех вас не вспоминала.

Маленький – очень забавный. Уже хорошо ходит, но лопочет пока что только два слова: папа и баба. Он очень похож на Василия Каграмоновича, а глаза – карие, мои. Каждый вечер играет с отцом, причём это забавляет больше Василия Каграмоновича, чем его.

Думала привезти этим летом Мишу в Нуху на два месяца, но по-видимому не удастся. Опять новое назначение Василия Каграмоновича спутало все мои планы. Предстоит вскоре отправиться во Владикавказ, в новый полк.

Пока он отсутствовал и шла эта ужасная война, я вся извелась; только теперь прихожу в себя и успокаиваюсь.

Часто бываю у Силиковых. Они тяжело переживают потерю детей. Их так жалко, невозможно смотреть в их печальные глаза. Тётя всё время плачет; постарела за несколько месяцев. Какое страшное горе!

Жаль, что не удалось повидать Гришу, когда он был дома. Я его не видела уже несколько лет. Будете писать, непременно передайте мои поцелуи и что я его очень нежно люблю.

Сашу, Сирануш и Марусю обнимаю и целую. Скажите Марусеньке, что при первой возможности приеду в Нуху и заберу её на время к себе. Пусть не расстраивается. Да, чуть было не забыла. Из Владикавказа тут же напишу куда писать.

Крепко вас целую

23 апреля 1906 г.

Ваша Лиза

г. Тифлис

## Глава VI. Владикавказ

1 мая 1906 года Василий Осипянц получает назначение в 81-й Апшеронский пехотный полк, и через две недели семья переезжает во Владикавказ к месту постоянной дислокации. Конечно, Владикавказ не Тифлис, не столица, но город большой и славный. Форпост Российской Империи на Северном Кавказе. Место живописное среди хребтов Кавказских гор вдоль Терека, а южнее одна из высочайших вершин – Казбек, воспетый ещё А.С. Пушкиным. Это – военный город. Здесь располагались штаб 3-го Кавказского армейского корпуса, штабы 21-й пехотной и 3-й казачьей дивизий, правление 21-й артиллерийской бригады, штаб Терского казачьего войска и, наконец, 81-й пехотный Апшеронский полк, один из старейших и прославленных полков Русской армии.

Василий Каграмонович хорошо знал историю этого замечательного полка. Полк носил имя императрицы Екатерины Великой, а августейшим шефом был Е.И.В.В.К. Георгий Михайлович. Основанный в 1732 году как Апшеронский пехотный, полк участвовал в Русско-Турецких войнах XVIII века, в войне с Наполеоном, Кавказской войне, Хивинском походе и во многих других сражениях. Прославился при взятии Ахульго в 1839 году и аула Гуниб в 1859 г.

На Георгиевском знамени полка была вышита надпись "За покорение Кавказа и взятие Гуниба". В Гунибе возвышался памятник бесстрашным апшеронцам. За сражение при Кунерсдорфе в 1759 году против Фридриха II апшеронцы получили красные отвороты на голенища сапог. А

в 1900 году полку был пожалован особый вид барабанного боя – "поход за военное отличие".

Штабс-капитан Осипянц был доволен новым назначением. Для него, воина, служить в таком полку – это признание и большая честь. Да и семье здесь будет хорошо и безопасно среди военных.

В городе много прекрасных улиц, широкий Александровский проспект, чудесный сад ТРЕК рядом с бурлящим неугомонным Терекком, большое число соборов и церквей, есть и Апшероская военная церковь, гимназии, кадетский корпус, военный госпиталь, несколько офицерских собраний.

Лизе было вначале грустно расставаться с добрым Тифлисом, но вскоре она привыкла к новому городу.

Родового имущества они не имели, однако семейные доходы штабс-капитана были достаточны, чтобы снять хорошую квартиру из нескольких комнат с балконом на втором этаже в доме № 41 на Лорис-Меликовской улице. Это самый центр города. Кроме няньки приняли ещё кухарку и прислугу. Секреты приготовления армянских национальных блюд Лиза хорошо знала и с щедростью открывала их кухарке. Ей хотелось, чтобы в доме царил нухинский дух.

Город постепенно становился родным семье Осипянц. Доброжелательность местного православного населения и предупредительность офицеров не в последнюю очередь были тому причиной. Появилось много новых знакомых из офицеров Апшеронского полка. Встречи с друзьями, пикники, приёмы, вечера в офицерском собрании вносили в их жизнь разнообразие и доставляли большое удовольствие. А главное, не было войны. С войной было покончено. В России наступил период стабилизации.

Совместная жизнь протекала счастливо. Рос их ненаглядный малыш. Рядом с Лизой – её сероглазый рыцарь. Лиза была в положении и должна

была вскоре рожать. Присутствие рядом мужа, такого заботливого и внимательного, успокаивало её.

Конечно, он с утра на службе, но много и свободного времени, когда они могут и по городу погулять втроём либо провести вечер в теплой семейной обстановке.

Здесь во Владикавказе Лиза нашла и Армянскую церковь. Она узнала её ещё издали по шатровому куполу с крестом. Не войти она не могла. Она поставила свечку за здоровье и благополучие всех своих родных и попросила шёпотом Господа подарить им девочку.

"Господь милостив, – думала она, – и всем дарит своих детей, но в добрые семьи он отправляет их с особым удовольствием. Он непременно откликнется на мою просьбу".

Она верила в Бога с детства, в его чудесных деяниях ни чуточки не сомневалась. У неё будет девочка!

В самом конце 1906 года, а именно 28 декабря действительно родилась девочка. Маленькую назвали Леной. Её крестили в Армянской церкви Св. Григория Просветителя через два месяца, и крёстным отцом был друг Василия по 14-му Гренадерскому полку поручик Иракий Иванович Алексеев-Месхиев. Он был благодарен Василию Каграмоновичу за оказанную честь. Долгая дорога из Белого Ключа во Владикавказ не смогла воспрепятствовать его присутствию при святом крещении.

Прибавились новые заботы, но они приносили столько радости, столько новых ощущений, что супруги не переставали благодарить Всевышнего.

Через несколько месяцев они сфотографировались всей семьёй и отправили эту фотографию и родным в Нуху и Силиковым в Тифлис. Не забыла Лиза и свою близкую подругу Зою Дружинину. Они постоянно переписывались, и Лиза не могла не сообщить Зое о рождении девочки и своём счастье. Фотография Зои стояла у неё на столике и всегда напоминала ей о чудных днях, проведённых вместе во время последнего

посещения Нухи в мае 1904 года. Лиза тогда провела один месяц в фамильном доме с родными.

На фото есть посвящение:

"Дорогой и славной Лизе от уважающей и любящей Зои Дружининой.

"Ты старых друзей позабудешь,  
Ты новых друзей изберешь!"  
Но прошу, чтоб это не скоро ещё  
было и если придётся нам ещё  
когда-нибудь увидеться, то  
чтобы у нас были прежние  
дружеские отношения

Зоя. Нуха 2 мая 1904 г."

Лиза не забывала свою подругу, часто вспоминала и писала ей, порой даже спрашивала её совета. Она ценила их дружбу и верила в искренность их отношений.

Каждое рождение ребёнка – это неопишуемая радость для родителей. Эти маленькие трогательные создания появляются в доме как нежные чистые эльфы, озаряя семью божественным светом своих любопытных и



невинных очей. В октябре 1908 года в семье штабс-капитана Осипянца новое прибавление. Родилась вторая девочка. Бог помнил молитву Лизы. Её назвали Ниной, а при святом крещении всё в той же Армянской Владикавказской церкви ей было наречено имя Нуне. Крёстным был штабс-капитан Оганес Саркисович Овсепянц.

Семья теперь была большая. Новорожденная требовала постоянного ухода и внимания. Несмотря на присутствие няньки Лизе было первое время нелегко. Она разрывалась. Шутка сказать, трое малолетних детей, старшему из которых лишь четыре года, и о всех надо заботиться и за всеми ухаживать. За всеми следить. Трудно! Но сколько радости приносит в дом присутствие маленьких детей! Какие все они красивые, нежные и забавные!

Василий Каграмонович своих детей не просто любил, он их обожал. Прощал любые их шалости и невинные проступки. Дети никогда не слышали повышенного тона его голоса. Одни только ласковые слова и в них столько нежности! Много времени проводил он в детской после службы и никогда не забывал приносить игрушки.

А через два года, когда дети подросли, было забавно смотреть, как они все с шумом неслись в прихожую встречать отца после службы.

– Папа, папа пришёл, – раздавались их звонкие голоса по всей квартире.

Им так не терпелось начать играть с ним или послушать сказку, но их останавливала Лиза.

– Дайте отцу спокойно пообедать и отдохнуть. Он ведь устал. Возвращайтесь в детскую и поиграйте пока сами.

И они послушно исполняли её указания. Она была строга с детьми. Она их воспитывала и не позволяла особых вольностей. Позднее, когда отец освобождался, все дети усаживались вокруг него. Нина непременно на коленях. Маленькие тёпленькие родные ангелочки. Он читал им только добрые сказки. Злые существа там не присутствовали. Это чтобы у детей были сладкие сны. А когда они засыпали в своих кроватках, последним всегда заходил отец. Каждому ребёнку поправит одеяло и каждого обязательно погладит по спине своей большой тёплой рукой. Иногда, засыпая, дети это чувствовали.

Часто приходили гости со своими малышами, и детская превращалась на время в шумную территорию детских игр и искрящегося веселья.

По выходным всей семьёй посещали огромный парк ТРЕК, спускавшийся террасами до самого Терека. Там была детская площадка – отличное место для детских игр, карусели, качели и ряд ларьков со сладостями.

Дети, неугомонные и весёлые, носились по всей площадке, выражая весь свой восторг криками вместе с другими малышами. На карусели катались вместе с Лизой. Она обхватывала детей обеими руками, и они кружились, пролетая мимо стоявшего поодаль Василия Каграмоновича, заливаясь смехом и хохоча от возбуждения. Отец не мог оторвать взгляда от их счастливых лиц; улыбался им, помахивая рукой.

В парке как всегда много прогуливающихся офицерских семей. Некоторые с детьми. Лизе было приятно видеть, каким уважением пользуется её муж. Как же она гордилась своим "сероглазым рыцарем"!

Старшие по званию офицеры непременно подходили, чтобы поклониться ей и обнять дружески Василия, а молодые с нескрываемым удовольствием отдавали честь становясь во фронт. Его любили и уважали в полку, и авторитет был высок.

У детей было много друзей, но самой близкой подругой была Лёка Титова. Титовы жили в том же доме, этажом ниже, и их дочка всё время проводила в квартире Осипянц. Отец её, военный инженер Титов, редко бывал дома. Строительство военных сооружений отнимало много времени, к тому же – частые командировки по окрестным объектам. Его жена, Екатерина Сергеевна, мягкая женщина необычайной доброты, проводила время с Лизой во время отсутствия супруга. Она была старше и помогала Лизе то советами, то услугами. Дочь же их Лёка очаровывала всех и своими способностями и необыкновенной для такого раннего возраста общительностью. Дети были влюблены в неё. Она придумывала

занимательные игры и забавы и детскому веселью не было конца. А когда Лёка не приходила, Лиза спускалась к Титовым выяснить, не заболела ли девочка. Она всем нравилась, а дети не могли без неё и дня прожить.

Счастье и благополучие в доме в атмосфере любви и доброты играют существенную роль в службе офицера, если не главную. Каждый день, возвращаясь со службы, Василий знал, что дома его ждут Лиза и дети. И он спешил к ним.

Службе он отдавал все свои знания, весь свой опыт. Любое поручение командира выполнял с полной отдачей сил и непременно так, чтобы принести максимальную пользу Апшеронскому полку.

Его безупречная служба, кристальная честность и порядочность послужили критерием назначения его хозяином офицерского собрания полка.

В это дело он, казалось, вложил всю свою душу и энергию. В результате очень скоро офицерское собрание Апшеронского полка стало считаться одним из лучших в городе. Офицеры других соединений теперь посещали только его.

Всю свою работоспособность, всё своё вдохновение он отдавал полку, а возвращаясь домой, уже с порога слышал звонкие голоса своих детей и обнимал Лизу.

Для всей семьи это были счастливые годы, и временами казалось, что им не будет конца. Каждый день приносил радость. А праздники Рождество, Новый год, Пасха – такие продолжительные и весёлые. Гости с детьми. Крики и восторг детей, шумные забавные игры. В такие дни детей было просто невозможно уложить спать. Им так этого не хотелось. Ведь взрослые продолжали ещё вечер, некоторые гости только начинали собираться. Слышалась тихая музыка и радостные голоса прибывающих офицеров – друзей семьи.

Но даже в праздничные дни Василий Каграмонович не забывал позднее зайти в детскую и убедиться, что все сладко заснули.

Офицеры Апшеронского полка любили посещать эту семью и не отказывались от приглашений. Частенько бывали здесь и командир полка полковник Николай Петрович Кучин, и подполковники Тарасов и Потто, капитан Картвелов и близкие друзья – штабс-капитаны Иоганес Осипов, Леонид Иванов, Михаил Вакуленко и Александр Клоссовский, другие младшие офицеры. Лиза тепло их встречала и обязательно угощала каким-нибудь национальным армянским блюдом: толмой, чанахом из баранины, чапови или бозбашем. После обеда по просьбе гостей исполняла на пианино романсы своим нежным мелодичным голосом, чем окончательно украшала вечер.

Службой Василия Кирилловича были очень довольны, о его хозяйственной деятельности знали даже в дивизии. После двухмесячной командировки в г. Беслан для налаживания работы продовольственного обеспечения последовал высочайший приказ от 7 марта 1910 года о награждении штабс-капитана Василия Осипянца орденом Св. Станислава III степени и приказ Начальника Военных Сообщений Кавказского военного округа № 75 от 8 августа 1910 года, в котором деятельность штабс-капитана была отмечена как выдающаяся.

Офицерское собрание единодушно избирает его членом суда общества офицеров. Это было признание офицерской семьёй его безупречной репутации и кристальной честности.

Газету "Русский инвалид" № 53 за 1910 год, в котором был опубликован высочайший приказ о награждении её мужа первым орденом, Лиза надёжно спрячет и будет хранить долгие годы.

Она была несказано рада за мужа, за его успешную офицерскую карьеру и старалась создать дома порядок и уютную обстановку. Позаботилась она и о выделении отдельного кабинета для мужа. Там он мог спокойно работать, и детям туда вход был строго-настрого запрещён. Мимо кабинета дети вначале ходили на цыпочках, но позже всё равно забывали об этом и иногда врывались к нему, увлекая за собой в детскую.

Тогда Василий Кириллович забывал обо всём. В такие минуты для него существовали лишь его дети, его маленькие девочки и сынишка.

Дети росли и выросли. Их беззлобные шалости не доставляли много хлопот и не очень удручали родителей. Только однажды они натворили такое, о чём никто и в мыслях не мог себе представить.

Случилось это в один из праздничных приёмов. С утра пеклись пироги и готовились закуски. Детей накормили и пораньше уложили спать. Гости только начинали съезжаться. Но разве заснёшь под праздник, когда из столовой доносятся ароматные запахи.

Первым тихонечко приподнялся Миша и шёпотом предложил сёстрам совершить набег на праздничный стол. Открыли осторожно дверь в столовую и, пока гости беседовали в гостиной, на цыпочках приблизились к сверкающему нарядно убранному столу.

Три фигурки в ночных рубашечках молниеносно выполнили задуманное. В маленькие тарелочки они накладывали ручонками всего, чего им хотелось, отламывали кусочки тортов и пирогов, хватали фрукты и сладости. Перепачкали и забрызгали белоснежную скатерть.

Пир продолжили в детской, а затем уснули.

Когда Лиза вошла в столовую, чтобы пригласить гостей, она обмерла. Стол представлял печальное зрелище. Только присутствие мужа её успокоило, а гости всё поняли и начали дружно смеяться. В праздник не полагается сердиться.

В детской все крепко спали. У каждой кровати сиротливо лежала полупустая тарелка.

Лиза очень сердилась на детей и долго не прощала им этой выходки. Василий Кириллович простил их уже следующим утром. Не мог он долго обижаться на своих детей. К слову сказать, такое больше не повторялось.

К началу XX века отношения Российской империи с Персией складывались удачно. Этому предшествовала давнишняя история. Шах

Наср-Эд-Дин, посетивший Россию и Санкт-Петербург ещё в 1879 году, был принят императором Александром II и был восхищён Собственным конвоем Его Императорского Величества. В дальнейшем по прибытии в Тифлис Шах обратился с просьбой к наместнику Кавказа Е.И.В.В.К. Михаилу Николаевичу. Просил послать русских офицеров в Персию для оказания помощи по формированию части отборной кавалерии. Желание Шаха было удовлетворено, и русская казачья бригада появилась в Тегеране. Она состояла из двух отрядов: Тегеранского и Тавризского. Цель бригады состояла в обучении и создании персидской кавалерии на основе персидских офицеров. Три десятилетия понадобилось русским инструкторам, чтобы создать вполне европейскую персидскую кавалерию с молодежавой выправкой, непринуждённой посадкой и лихостью движения.

Торговля между Россией и Персией успешно развивалась и ширилась. Однако, были причины и для беспокойства. Русские караваны всё чаще подвергались нападению и набегам со стороны отдельных отрядов феодалов-шахсеван, не подчинявшихся Шаху. Россия была вынуждена направить отдельные полки в северо-восточную часть Иранского Азербайджана. Это была секретная миссия и выполнялась без огласки, так как присутствие и военные действия Русских войск в Персии могли вызвать недовольство западных держав. Задача состояла в скрытном разгроме шахсеванов и оказании помощи Персидскому шаху.

25 декабря 1912 года штабс-капитан Василий Осипянц срочно командирован в Персию, в г. Тавриз, в составе полка. Это было так неожиданно и несвоевременно, но служба – есть служба. Лиза только что родила, и опять девочку, и была очень слаба. Всей семьёй дали ей имя – Анна. Вместе радовались и ухаживали за новорождённой. Как же было тяжело оставлять жену в такую минуту. Надо ведь такому случиться. Когда они прощались, Лиза всё успокаивала супруга: "Вокруг много друзей, да и Титовы помогут, если что. Справимся. Езжай и не переживай".

Василий Осипянц назначается командиром 5-й роты, в задачу которой входила охрана поставок продовольствия и вооружения русской бригаде в Персии. Одновременно он оказывает помощь и поддержку Марогинскому и Судж-Булагскому отрядам.

Персия – древнейшая страна, покрытая тысячелетней пылью. Кругом красноватые скалистые горы и бесконечные сожжённые зноем холмы. За каждым подстерегает опасность. Охранять русские караваны – дело непростое. Доходило до стычек с бандами и сражений с отрядами шахсеванов.

Однако сведений о военных операциях в послужном списке офицеров не было упомянуто.

В Тавризе Василий Кириллович получает из дома долгожданную открытку от Лизы:

Милый дорогой Вася!

Всё благополучно. Маленькая здорова. Такая весёлая, всё время улыбается. Не знаю, как дождусь твоего возвращения. Так истосковалась по тебе, хотя прошло несколько недель. Дети каждый день спрашивают, когда приедет папа. Видимо, очень скучают. Береги себя.

3 января 1913 г.

Твоя Лиза

г. Владикавказ

Его не было дома больше года. Он возвратился только в феврале 1914 года в чине капитана и с орденом Св. Анны III степени на груди.

Ещё издали, подъезжая к дому, он заметил на балконе своих детей. Как это они почувствовали его приезд! Они увидели его, замахали руками, подпрыгивая от переполнявшего их нетерпения и радости встречи.

Он взбежал по ступенькам. Лиза уже стояла в дверях с маленькой Анной на руках. Она задохнулась в объятиях супруга, а он продолжал целовать до боли знакомые ему её глаза, губы, шею. Не мог оторваться,

боясь её потерять. Прижавшиеся к отцу дети не давали возможности даже раздеться. Их можно было понять – больше года они не видели "Папу".

Он стоял перед ними, их защитник и опора. Его сияющие глаза на фоне бронзового от загара лица выражали все его чувства и его любовь к ним.

В гостиной дети окружили его и, перебивая друг друга, рассказывали о всех новостях; рассматривали его орден, пока он целовал каждого по несколько раз. Маленькая Аня всё время приносила из детской свои игрушки и протягивала их отцу. Она улыбалась. Василий Кириллович засмотрелся на её тёмные глаза, отливающие изумрудным цветом, прижал к себе и поцеловал. Боже мой, какое счастье – быть дома.

Василий Кириллович получил месячный отпуск. Они провели его во Владикавказе. Для детей – это был долгожданный праздник, полный веселья и радости, для Лизы – праздник души.

Не знали они тогда, что пройдет всего-то несколько месяцев, и начнётся большая война.

## Глава VII. Война

Убийство наследника престола Австро-Венгерской империи эрцгерцога Франца Фердинанда и его супруги 28 июня 1914 года в Сараеве послужило поводом для начала Мировой войны. Германия предъявила Сербии ультиматум. И, несмотря на то, что Сербия приняла большую часть его условий, Австро-Венгрия начала военные действия против Сербии. Для поддержки славянской Сербии Россия объявила общую мобилизацию. Германия потребовала её отмены. Россия ответила отказом, и тогда Германия объявила ей войну 19 июля 1914 года. Военная машина была запущена, и никто уже не мог её остановить. Началась Великая война.



В доме капитана Осипянца на Лорис-Меликовской во Владикавказе царило уныние и растерянность. Лиза ходила потерянная, хотя вида не показывала. На лице всегда добрая улыбка, но Василий Кириллович чувствовал, что на душе у неё беспокойно, понимал, как она переживает и боится за него. Чтобы как-то успокоить её, он даже приготовил свой офицерский жетон, подаренный ею ещё в Тифлисе. Она верила, что этот серебряный амулет может его спасти в минуту смертельной угрозы. На обратной стороне жетона рядом с двуглавым орлом была выгравирована надпись: "Василий Каграмонович Осипянц", наименование полка, а чуть повыше слова: "Храни воина Василия на поле брани".

В их дом уже стучалась война. Страшное слово для офицерской семьи. Дети уже знали, что их папа уезжает на фронт. Они ходили

поники, в их глазах не было прежнего огонька веселья. Им так не хотелось с ним расставаться снова. Совсем недавно вернулся из Персии, и опять – разлука. Лиза держалась и не показывала своей грусти. Только её прекрасные глаза говорили о её переживаниях. Она хотела, чтобы муж уехал с легким сердцем. И только, когда наступил день прощания, она не выдержала. По традиции все сели в гостиной перед самым отъездом. Это чтобы дорога была легкая, и все обошлось благополучно. Василий Кириллович стал прощаться с детьми, нежно обнимая и целуя каждого ребёнка. Прижал к себе Лизу, и вот тут её глаза наполнились слезами. Он целовал её мокрые щёки и успокаивал:

– Ну, что ты, Лиза! Не расстраивайся! Война скоро кончится и будем обниматься.

– Береги себя, Вася, – прошептала она, – Мы будем молиться и ждать тебя. Пиши часто.

Эшелоны поездов с воинскими частями Императорской армии уже неслись к западным границам России. Апшеронцы ехали вместе с другими полками, входящими в состав 21-й пехотной дивизии: 82-м Дагестанским и 84-м Ширванским. Дивизия во главе с генерал-лейтенантом Мехмандаровым входила в состав 3-го Кавказского армейского корпуса. Командиром корпуса был доблестный генерал-лейтенант Владимир Александрович Ирманов, герой русско-японской войны.

В этом же эшелоне ехали и казаки 3-го Хоперского полка для усиления корпуса. Все они направлялись в район Люблина на Галицийский фронт.

Настроение у солдат и офицеров было приподнятое. Можно было подумать, что ехали не на войну, а на манёвры. Война не казалась им тогда чем-то ужасным и страшным. Все были уверены в скорой победе над врагом. Много говорили о будущих наградах, подвигах, георгиевских

кавалерах и скором возвращении домой. Боялись только не успеть к месту боёв. Война может кончиться ещё в пути, и тогда прощай награды.

Командир 5-й роты капитан Василий Осипянц был доволен составом младших офицеров и своими солдатами. Ещё во Владикавказе при объявлении всеобщей мобилизации он постарался максимально использовать небольшой перерыв до отправки на фронт. Работая каждый день допоздна, он проводил тактические учения, занимался стрельбой, проверял навыки штыкового боя, беседовал с каждым солдатом, стараясь укрепить их дух и веру в победу. Только готовность к бою каждого офицера и каждого солдата могла обеспечить успех. Теперь в пути он был спокоен за них. Рота была сплоченная, единая команда, готовая выполнить любой приказ командира.

Эшелон прибыл по железной дороге в Ивангород в начале августа 1914 года. Оттуда их направили в направлении Тарнова, где 81-й Апшеронский пехотный полк встретил самый разгар боя. Противник наступал: они прибыли вовремя. Это было их первое боевое крещение.

Младший офицер Хоперского кавалерийского полка Андрей Шкуро так описывает этот первый бой:

"Без мостков, в чистом поле, выпрыгнули казаки верхом из вагонов. С места, в конном строю, помчались они в конную атаку на немецкую гвардию и австрийскую пехоту. Пролетая карьером, я видел, как наши славные апшеронцы, выскакивая из вагонов, со штыками наперевес, в свою очередь, бросились в атаку."

Среди них во главе 5-й роты бежал и Василий Осипянц. Для своей роты он был примером бесстрашия и храбрости. Он бежал впереди, увлекая за собой солдат, стараясь как-то прикрыть и защитить их.

Неприятель был сломлен, не выдержал и побежал. Полная картина разгрома. Казаки продолжали преследовать отступающего врага вглубь Галиции. Это была их первая победа в составе 3-го Кавказского корпуса и 4-й армии.

И хотя на северо-западном фронте Россия потерпела горькое поражение в Восточно-Прусской операции, дух Русской армии не был сломлен. В тех тяжелых боях Россия потеряла убитыми около 40 тысяч солдат и офицеров и столько же было взято в плен. 2-й армии генерала Самсонова больше не существовало. Уничтожена была целая армия. Сам генерал Самсонов не смог пережить такого позора и застрелился. Немцам победа также досталась недешево, с очень большими потерями – 30 тысяч убитых и раненых.

На юго-западном фронте в направлении Львова и Перемышля готовилось новое наступление русских войск. Несколько дней продолжались упорные и жестокие бои. Австрийцы обрушивали снарядами и шрапнелью русские укрепления. Продвигаться вперед Апшеронскому полку было очень тяжело. В полку был новый командир – Евгений Васильевич Лебединский, бывший начальник штаба 2-й Кавказской казачьей дивизии. Перед каждой операцией он объезжал все батальоны, делая замечания и вручая каждому из батальонных командиров написанные им приказы и распоряжения. Не забывал и ротных. Дисциплина и порядок должны были быть во всем и он, как опытный военачальник, это понимал.

Накануне наступления был зачитан приказ командующего фронтом, который гласил:

"Поздравляю славные войска фронта с переходом границы. Приказываю объяснить нижним чинам, что мы вступаем в Галицию, часть Австро-Венгрии, но в истинно русские земли, населённые главным образом русскими людьми, которым мы несём освобождение ..."

3-я и 8-я армии, возглавляемые генералами Н.В. Рузским и А.А. Брусиловым, начиная с 17 августа 1914 г., начали наступление и продвижение вперед, нанося ощутимые удары на западном участке фронта, причём с севера их поддерживали в это время 4-я и 5-я армии.

81-й Апшеронский пехотный полк в составе 3-го Кавказского корпуса действовал на крайнем правом фланге 4-й армии, которой командовал генерал А.Е. Эверт. Полку предстояло продвинуться в южном направлении к устью реки Сан, однако продвижение шло очень медленно, несмотря на отчаянные попытки, героизм и беспредельную храбрость солдат и офицеров. В этом полку, как и во многих других, были сильны традиции. Каждый солдат и каждый офицер знал о всех громких победах своего полка и гордился бесчисленными подвигами своих предшественников. Их особый барабанный победный марш звал к новым победам.

Только вначале грохот орудий, треск шрапнелей и разноголосый свист летящих пуль ошеломляет солдат, а затем в непрерывных боях всё становится привычным. В тот день 20 августа капитан Осипянц поднял своих солдат в атаку. Сильный артиллерийский обстрел и пулемётные очереди, казалось, сорвут эту атаку. Но медлить было нельзя, надо было захватить намеченные позиции. Смелые люди ясно видят перед собой славу или опасность, но идут вперёд, неважно, что впереди.

Василий Кириллович бежал первым, и ему не было видно, что сзади по всему полю бежали апшеронцы. Сначала его рота, а затем и весь полк устремились в атаку. Шквальный огонь со стороны австрийцев не утихал, но 5-я рота уже выскочила на бруствер окопа и вошла в штыковой бой с австрийцами. Это была его стихия, тут капитану не было равных. Его магическое мастерство штыкового боя было поразительным. Рота легко смяла сопротивление противника и, когда австрийцы в панике побежали, его солдаты первыми ворвались в укреплённую деревню Файсловице.

Действия 5-й роты содействовали успеху полка в целом в этом бою под деревней Суходолы. Командир полка Е.В. Лебединский вместе с командиром дивизии генерал-лейтенантом Мехмандаровым вечером уже благодарили капитана Осипянца за службу, при этом не могли сдержать своё восхищение его мастерским ведением штыкового боя. Ему сообщили,

что представят к награде Георгиевским оружием. Первая боевая награда, и какая!

Откуда была воинственность у этого, в общем-то, очень доброго и мягкого человека. В бою он перерождался, становился воином – отчаянным и беспощадным. Он не щадил себя.

На следующий день в бою под деревней Лопеники Василий Кириллович был ранен. Ранения он не заметил и продолжал преследовать противника. Боль в ноге капитан ощутил только после взятия австрийских позиций. У него было сквозное ранение, обильно сочилась кровь, и его отправили в полевой лазарет. В лазарете много раненых солдат и офицеров. Не хватает коек, и некоторые солдаты лежат прямо на земле. Стоны и крики тяжелораненых дополняют эту мрачную картину. Врачи и медсёстры не успевают, их очень мало. Всех наспех перевязывают и отправляют на станцию, а оттуда в госпиталь.

Капитана Осипянца направляют в лазарет Красного Креста в Вильно. Там он узнаёт о победоносном завершении Галицийской операции и освобождении Львова. Долгожданная победа! В этом сражении участвовал и его 81-й Апшеронский полк.

С ранением он провалялся долго. Выздоровление шло медленно, так как частично была задета и кость. Но он не унывал. Он с нетерпением ждал возвращения в строй, в свою роту.

Вечерами, когда становилось особенно грустно на душе, вспоминал Лизу и своих детей. Разглядывал фотографию, где они все вместе и любовался детьми. "Что они сейчас делают? – мелькало в голове – Чем заняты? Боже, как они далеко сейчас".

Вспоминал и Нуху, свой дом, своих ушедших родителей, свою сестру Розу, которую нежно любил, её детей.

"Роза наверно совсем постарела, а я так долго не видел её, – думал он и сам успокаивал себя. – После войны непременно поеду повидаться".

9 декабря 1914 года он возвратился в свой полк, в свою родную воинскую часть. Его назначают командиром 2-го батальона. Полк обновился больше чем наполовину за время его отсутствия. Офицерское пополнение – молоденькие прапорщики. Выбыли самые смелые и храбрые офицеры: либо убиты, либо тяжело ранены. Такие всегда первые несутся в атаку и погибают. Они никогда не прикрываются спинами своих солдат.

В декабрьской Лодзинской операции Апшеронский полк вёл бои в районе Пшедборша. Ожесточённые бои шли непрерывно и с переменным успехом.

Положение на западном фронте складывалось тяжёлое и не в пользу русских войск. Немцы планировали нанести удар в стык 4-й и 5-й армиям в районе Новорадомска и Пшедборша. Это было местом расположения 3-го Армейского Кавказского корпуса. Там находился и Апшеронский полк.

В этих тяжёлых и изнурительных боях 81-й пехотный полк показывает все свои боевые качества, несмотря на численное преимущество противника. Солдаты и офицеры дерутся геройски, и планы немецкого командования срываются.

Атаковать и продвигаться вперёд было нелегко. Польская зима – непонятная и изменчивая. Сегодня мороз, а завтра уже распутица и слякоть. Ноги утопают в грязи и трудно бежать. Да ещё надо преодолеть паутину колючей проволоки. Чуть зазеваешься и накроют огнём.

За прорыв немецких укреплений 10 декабря капитану Василию Осипянцу был присвоен чин подполковника. Его батальон продолжает атаковать позиции противника. Только серьёзное ранение командира смогло остановить их наступательный порыв. Это произошло 14 декабря. Он бежал, как всегда, впереди батальона, сзади его поддерживали грохочущим "ура" его офицеры и солдаты. Стремительному натиску батальона не могли помешать ни разрывы снарядов, ни обрушивающийся град шрапнели. Он по-прежнему был впереди, размахивая наганом. Может быть глупость. Подполковник и командир батальона не должен вести себя

как ротный. Но в эту войну так поступали многие офицеры, не только подполковники, но даже и генералы и командиры дивизий. Они не посылали солдат в бой, а вели за собой.

Солдаты увидели, как упал подполковник Осипянц. Офицеры были уже впереди и продолжали атаку. Его, раненого, без сознания, выносили с поля боя солдаты его прежней роты. Для них он был любимым начальником, и они, рискуя собственной жизнью, под непрерывным огнём, спасали его. Это было второе ранение Василия Осипянца. Шрапнель разорвалась не в смертельной близости. Творец был по-прежнему милостив к своему воину и не допустил его гибели.

Ранение было тяжёлым. Раздроблена кисть левой руки, большая потеря крови, контузия левой половины тела и головы. В полевой лазарет его доставил молоденький солдат Никита. Подполковник был по-прежнему без сознания. Когда он очнулся, то первого, кого увидел и узнал, был Никита.

– Живой, – радостно воскликнул солдат и улыбнулся.

Теперь Василия Осипянца надолго отправляют в госпиталь, на этот раз в Санкт-Петербург.

Новый 1915 год он встречает в лазарете Красного Креста "КЕНИГ" имени императрицы Александры Фёдоровны. Здесь много раненых офицеров из всех частей и соединений. Опытные столичные доктора, первоклассная медицинская помощь и усиленное питание помогают выздоравливать. Подполковника Осипянца выписывают 12 января с изуродованной кистью руки и непрекращающейся головной болью. Впереди предстоит затяжное лечение массажем, электризацией и серными ваннами на одной из специальных дач в Финляндии, подготовленных для полного выздоровления офицеров.

В полк после ранения он прибывает вновь лишь спустя 6 месяцев 7 июля 1915 года.

Общее положение на фронтах было не блестящим. После неудавшегося Горлицкого прорыва в Карпатах русские войска стали отходить. Оставлены были г. Перемышль и г. Львов. 81-й Апшеронский полк в составе 3-го Кавказского корпуса был передислоцирован в район г. Люблина. Корпус теперь входил в 3-ю армию, возглавляемую генералом Радко-Дмитриевым. Русские войска закрепились на части Австро-Венгерской территории, удерживая Тернопольскую и четверть Львовской области.

Командир полка Е.В. Лебединский встретил Василия Осипянца дружелюбно, но лицо его выражало озабоченность и тревогу. Не знал он, как подступиться и сказать Василию Кирилловичу о новом назначении. К этому офицеру он относился с нескрываемой симпатией. Наслышан был о его большой дружной семье, жене и четверых малолетних детях, оставленных во Владикавказе. Не мог он далее позволять ему рисковать жизнью. Послать этого отважного человека на передовую, да ещё с изуродованной рукой – значило послать его на гибель. В этом вопросе его поддерживал и новый начальник дивизии Свиты Его Величества генерал-майор Некрасов. Они пытались сохранить жизнь Василию Осипянцу после тяжелого ранения.



И командир полка, наконец, решился:

– Василий Кириллович, голубчик, примите новое назначение, потрудитесь взять на себя новые хлопоты. В полку большие проблемы: не хватает обмундирования, снаряжения, патронов, плохое обеспечение с питанием, а ведь впереди зима. Нужна теплая одежда для солдат.

Предстоит изнурительная окопная война. Как мы её выдержим, будет зависеть от вас. Вот приказ о вашем назначении начальником хозяйственной части, господин подполковник. Ваш опыт и авторитет поможет нам переломить ситуацию. Я на вас надеюсь.

– Слушаюсь, господин полковник, – последовал чёткий ответ.

Василий Кириллович принял новое назначение хладнокровно и мужественно, как и подобает офицеру. Было грустно расставаться со своим батальоном, но приказ командира не обсуждается.

Вечером, собравшись в избе нового начальника хозяйственной части, офицеры рассказывали Василию Кирилловичу о всех прошедших боях со всеми подробностями и эпизодами.

– Под Сенявой мы перешли впервые на ночные атаки, – делится впечатлениями подполковник А.Д. Комисаров, – Приказано было зацепиться на плацдарме у реки Сан. Вы помните, Василий Кириллович, мы там воевали, когда шли в наступление. Теперь же при отступлении вглубь Галиции этот плацдарм был очень важен. Немцы пёрли, как каток, и надо было взорвать мост. Ну, мы и пошли в ночную атаку в час ночи. Это все случилось 13 мая. Сам командир дивизии Некрасов приезжал перед боем, чтобы подбодрить полк. Отличилась рота штабс-капитана Ахвледиани. Первыми ворвались в центральный форт. Пленных взяли до 3 тысяч человек.

"Да, – думал Василий Кириллович, – Апшеронцы оставались верны своим традициям. Они неустойчивы в бою".

Он был рад возвращению. Рад был находиться среди замечательных офицеров и воинов: подполковника Комисарова, подполковника Иванова, подполковника Клоссовского, капитана Николая Иванова и других офицеров, которых знал много лет.

Конечно, новое назначение не особенно пришлось ему по душе. Утешало одно. Он выпросил солдата Никиту к себе в хозяйственную часть. Этому солдату он был обязан жизнью. Такое на фронте не забывается.

Командир полка не ошибся, вверив хозяйство полка подполковнику Осипянцу. Уже через месяц улучшилось снабжение полка снаряжением и обмундированием, солдаты в окопах стали получать горячее питание. Дело было поставлено так успешно и слаженно, что вскоре Василия Кирилловича назначают начальником обозов всех полков дивизии, и он принимается за обеспечение дивизии всем необходимым с присущей ему энергией и упорством.

Одна только мысль постоянно удручала, что не может помочь бойцам во время атаки, не принимает участия на передовой в очередном бою.

В конце 1915 года велась позиционная война. Россия выдерживала колоссальный нажим германских и австро-венгерских войск на всех фронтах, в отдельных районах вспыхивали жаркие сражения и схватки. Апшеронцы находились в районе Островска на реке Стырь. Ждали долгожданного весеннего наступления.

Тяжелой проблемой оставался тающий кадровый офицерский состав. Потери среди офицеров были неисчислимы. Много убитых и раненых. Молодые прапорщики, прошедшие 3-месячные курсы обучения, вместо положенных в мирное время 3 лет, не обладали достаточными знаниями и опытом и по сути дела с трудом могли заменить кадровых военных.

Это-то и послужило причиной назначения подполковника Осипянца командиром 3-го батальона. В его задачу входило передать в сжатые сроки весь свой опыт, мастерство и знания молоденьким офицерам и подготовить замену для будущего наступления. Командир полка Лебединский прекрасно понимал, что посылать в наступление подполковника Осипянца с несгибающейся кистью левой руки несправедливо и смертельно опасно.

"Лишь бы успел", – думал командир полка.

Василий Кириллович справился с этой задачей. Успел. Через 3 месяца молодые офицеры 3-го батальона были подготовлены. Они могли искусно сражаться и грамотно вести атаку на вражеские укрепления. Этим молодым людям с горящими глазами он передал все свои знания, всё своё виртуозное искусство ведения боя. Василий Кириллович был в них уверен. Они не подведут и не посрамят традиции полка.

15 мая 1916 года командир полка вручает ему приказ о переводе в тыл, в запасной 59-й пехотный полк в г. Воронеж. Это был его последний день на фронте в любимом Апшеронском полку. Приехал попрощаться с ним и начальник дивизии генерал-майор Некрасов. Офицеры 3-го батальона сфотографировались вместе на память. Им было жаль расставаться с ним. Они были благодарны ему за помощь, ведь впереди маячило новое наступление.

Командир полка Е.В. Лебединский обнял его по-мужски и поблагодарил за службу:

– Вы, Василий Кириллович, вписали своё имя в славную историю 81-го Апшеронского полка. Вы – один из его героев и полк вас никогда не забудет.

1 июня 1916 года начался знаменитый Брусиловский прорыв на западном фронте. 3-й армии, куда входил Апшеронский полк, предстояло наступать на г. Пинск, а далее на г. Ковель. Брусиловский прорыв окончился победой. Были освобождены вся Волынь, Буковина и часть Галиции.

Василия Осипянц узнал об этом уже в тылу. Для него Великая война была окончена.

Военное командование и Император высоко оценили вклад своего офицера в этой войне, его храбрость и героизм, его самопожертвование и его непоколебимую веру в Великое Царево дело. Награды и повышения в чине следовали одни за другими: Ордена Св. Станислава 2-й степени с

мечами, Св. Анны 2-й степени с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом, Георгиевское оружие и чин полковника.

Это всё были боевые награды. Георгиевское оружие не уступало по своему значению ордену Св. Георгия. В Российской Императорской армии эти награды считались самыми почётными и давались за доблесть. Это в первую очередь относилось к офицерам пехоты. Им эти награды присуждались справедливо.

Согласитесь, когда пехотный офицер, неделями сидящий в окопах, полных воды, грязи, под губительным огнём противника, часто без пищи и без воды, находит в себе мужество поднять своих людей в атаку, он действительно являет этим пример сознания долга, воинского духа и самоотверженности.

По случаю утверждения пожалования Георгиевским оружием в высочайшем приказе Государя Императора от 16 октября 1916 года было сказано:



*Полковник Василий Осипянец, 1916г.*

"Василию Осипянцу за то, что, будучи в чине капитана и командуя ротой, в бою 20 августа 1914 года, несмотря на сильный пулемётный и ружейный огонь, штыковым ударом опрокинул противника и овладел д. Файсловице, вынудив противника к беспорядочному отступлению, захватив при этом 6 офицеров и 200 нижних чинов пленными".

Полковник Осипянец прибыл в Воронеж 18 мая 1916 года. В тот же день он был назначен командиром 1-го батальона 59-го пехотного полка и одновременно военным комендантом уездного города Усмань. Городок находился в 50 верстах от Воронежа.

Теперь надо было спешить домой во Владикавказ к Лизе и детям. Ещё с фронта он отправил им открытку о своём скором возвращении, и они ожидали его со дня на день.

Полковника всюду сопровождал его денщик Никита. Молодой солдат был привязан к командиру и оберегал его, как нянька.

## Глава VIII. Усмань

Семья полковника Осипянца переехала в Усмань в июне 16-го года. Дом, который сняли для военного коменданта, принадлежал богатой семье Новоселовых. Так в городе его и называли – дом Новосёловых. Лизе он понравился. Большой, просторный деревянный дом с верандой, скорее усадьба, чем городской дом. За домом – большой двор с конюшней и хозяйственными помещениями, плавно переходящий в сад. Со стороны улицы две невысокие каменные арки с калитками и массивные ворота, украшенные деревянным резным орнаментом, придавали дому законченность и нарядность.

Месторасположение – очень удачное, в самом, пожалуй, живописном уголке Усмани, напротив городского парка. Усмань – городок маленький, но уютный, утопающий в зелени вековых ветвистых лип. В городе есть всё, что необходимо: магазины, госпиталь, две гимназии.

За городским тенистым парком находится главная улица с бульваром посередине. Здесь магазины и лавки, а буквально рядом с гимназией – русская православная церковь.

"Неважно, что она – не армянская, – думала Лиза, – Её можно посещать, ведь мы христиане".

Она принялась за обустройство дома с присущей ей энергией. В короткие сроки закупила понравившиеся ей мебель, люстры, портьеры и всё обставила со вкусом и любовью, так что внутреннее убранство приобрело прямо-таки барский вид. Гостиную украшал голубой

персидский ковёр ручной работы и прекрасная мягкая мебель, обитая изысканным шёлком. В детской на полу расстелили красный ковёр, чтобы ноги у детей не мёрзли зимой. Дом обживали, и он постепенно становился родным для всей семьи. Они уже не представляли своей жизни без этого просторного дома в тихой Усмани, и порой казалось, что прожили здесь многие годы.

Василий Кириллович с утра уезжал на службу. Должность военного коменданта обязывала показывать пример подчинённым, как служить с полной отдачей сил, не жалея ни времени, ни здоровья. На благо Родины и во имя победы. Надо было подготавливать молодое поколение запасного полка и делать это быстро, в короткие сроки. Там на фронте острая нехватка офицерского состава и обученных новобранцев. Там ждут помощи.

Полковник лично присутствовал на многих занятиях. Стрельба, штыковой бой, тактические учения и строевая подготовка – всё это он проводил почти ежедневно. Это было его главное дело.

Он щедро передавал свой опыт молодым офицерам, рассказывая о боях, поясняя им, как вести успешную атаку, как сражаться с противником. Он знал, как это может пригодиться этим юношам там на фронте, в непрерывных боях с немцами, и поэтому не жалел себя.

Как военному коменданту города, Василию Кирилловичу полагалась коляска на резиновом ходу, запряжённая двумя рысаками. Его возил Никита и терпеливо поджидал вечером, когда полковник задерживался.

– Ваше Высокоблагородие, пожалели бы себя, – ворчал Никита по дороге домой, – Нельзя же так! Дома уж все заждались. Молодая барыня переживает.

Василий Кириллович обижаться на Никиту не мог. Он был теперь членом семьи и был предан этой семье полностью.

Дома Василий Кириллович отдыхал душой. Одно только присутствие рядом Лизы и детей уже согревало сердце и наполняло его

жизнь светлыми красками. Он радовался каждой встрече с ними, как ребёнок. Во время обеда обязательно выпивал фужер красного вина, чтобы снять усталость, причём Лиза не позволяла детям беспокоить отца, пока тот не пообедает. Она заботилась о нём, знала, что ранения не прошли бесследно: мигрени и боли в руке продолжались, и пыталась оградить его от излишней детской назойливости.

Но что она могла поделать, когда он сам скорей рвался к детям, забывая о мигрени и ноющей руке. Василий Кириллович был рад за свою семью, доволен тем, что сумел обеспечить её благополучие и безбедное существование. С присвоением чина полковника жалованья хватало и на содержание кухарки и прислуги. В доме проживали ещё нянька и денщик Никита. Семейная жизнь протекала спокойно и гармонично.

Чин полковника давал право потомственного дворянства, и он был счастлив, что его дети будут иметь дворянский титул. Они получают прекрасное образование и станут достойными людьми. В этом он был уверен.

С Лизой они уже всё обдумали до мелочей. С сентября все дети пойдут учиться. Старшая Лена продолжит обучение в местной женской гимназии, а Нина поступит в первый класс. Лена, девочка серьёзная, присмотрит за сестрёнкой, а где надо, и поможет. Мишу Василий Кириллович отвезёт в Тифлис определяться в кадетский корпус. Можно было поступать и во Владикавказский кадетский корпус, но в Тифлисе – Силиковы. Тем более, что генерал С. А. Силиков, крёстный Миши, обещал похлопотать перед руководством корпуса. И только самая младшенькая Аня будет дома с нянькой. Первое время будет, конечно, скучать без сестер и брата, но потом привыкнет.

В конце августа Василий Кириллович отправился с сыном в Тифлис. Для него этот город всегда оставался родным. Здесь прошли его юнкерские годы. Годы молодости и возмужания. Годы службы в замечательном полку и, наконец, первые годы совместной жизни с Лизой, которые он помнил и сохранял в своем сердце. Его радовало, что Миша будет учиться именно в Тифлисском кадетском корпусе, в одном из привилегированных учебных заведений. Да и сам город благотворно повлияет на становление мальчика и обогатит его своей красотой и духовной культурой. В этом не было и тени сомнения.

Они остановились в небольшой гостинице "Лондон", недалеко от набережной Куры. Времени не теряли и на следующий день уже входили в приемную кадетского корпуса.

Молоденький офицер на входе при виде Василия Кирилловича замешкался и смутился. Подействовали внешний вид полковника, его офицерская выправка и уверенность. Несомненно, алый крест ордена Св. Владимира с мечами и Георгиевское оружие сыграли не последнюю роль, выдавая в нём боевого офицера, только что вернувшегося с фронта.

Молоденький подпоручик, наконец, вскочил и выпрямился во весь рост, отдавая честь. В глазах неподдельное восхищение.

Узнав о цели визита, тут же браво отрапортовал:

– Извольте отдохнуть в приёмной, г-н полковник. Сейчас будет доложено начальнику училища о вашем прибытии.

Начальник училища, пожилой полковник с орденами на груди, принял их немедленно и более чем доброжелательно. Крестный сдержал свое слово и походатайствовал перед руководством кадетского корпуса. Это было очевидно. Мише предложили сдать экзамен за 3-й класс гимназии, и через пару дней он успешно его выдержал. Экзамен был нелегкий, разница в программе несомненная, да и обстановка непривычная. Но он не подкачал.

Михаил Осипянц был зачислен в 4-й класс кадетского корпуса. Отец торжествовал. Он был доволен успехом сына. Прекрасно понимая, что для Миши учиться в закрытом учебном заведении будет трудно первое время, он в то же время верил в своего мальчика, знал, что тот выдержит все испытания. В Тифлисе Миша родился, это его родной город, а родной город всегда поможет.

До начала занятий оставалось всего несколько дней, и Василий Кириллович спешил познакомить сына с этим удивительным, шумным и гостеприимным Тифлисом. Ему и самому было приятно вновь прогуляться по знакомым улицам, побывать на Головинском, в Сололаках, на Майдане и увидеть всё вновь через столько прошедших лет.

Головинский проспект приводит сына в восхищение. Медленно прогуливаясь, отец показывает Мише главные достопримечательности: Казенный оперный театр, Тифлисское Артистическое общество, Александровский сад, Храм Славы, Первую гимназию, Собор Александра Невского и, наконец, величественный дворец наместника.

Внутри Храма Славы отец с сыном подолгу останавливаются у портретов выдающихся полководцев, прославивших Россию в Кавказских войнах. Миша впервые видит батальные картины сражений, знамёна полков, оружие и награды офицеров и генералов. Бережно хранит Империя память о своих героях.

Они посетили вместе и Военный собор. Не мог Василий Кириллович пройти мимо. Внутри он зажег две свечи: одну в память о погибших на фронте, а другую за упокой души своих родителей. Миша видел, как отец шептал молитву, перекрестился и поклонился Господу. Когда они уходили, свечи продолжали ещё гореть.

Вечером поехали на Бебутовскую навестить крестного. Этот человек много и охотно помогал семье Осипянц. Генерал Степан Артемьевич Силиков встретил их радостно. Всё обнимал и целовал Мишу, удивлялся, как он вырос и как бежит время. Василий Кириллович долго рассказывал

генералу о войне, о своём новом назначении, о Лизе и детях, о всех семейных новостях.

А когда стали прощаться, генерал не выдержал, в глазах появились слёзы.

– Василий Каграмонович, дорогой, ты так напоминаешь мне моих сыновей, – говорил он с дрожью в голосе, – Они были такие же, как и ты. Всё рвались в бой, на передовую. Ничто не могло их остановить, кроме смерти.

Немного успокоившись, он добавил:

– Будь спокоен, Василий Каграмонович. За Мишей я буду в Тифлисе присматривать. Он здесь будет не одинок. Во-первых, мы родственники, а я ещё его крёстный отец. И Лизе передай, чтоб не волновалась за сына.

"Генерал своё слово сдержит. Мальчика в обиду не даст и всегда придёт на помощь", – думал Василий Кириллович, и это успокаивало.

Повидали они и Марусю Мелик-Алахвердову, младшую и самую любимую сестру Лизы. Она бывала у них во Владикавказе, и дети её очень любили. Эту молодую, красивую и необыкновенно добрую девушку невозможно было не любить. В Тифлисе она окончила 2 курса медицинского института и работала теперь провизором в аптеке на Эриванской площади. Найти её не представляло труда.

Маруся так была рада их видеть, что тут же отпросилась и повела их к себе домой. Она жила недалеко на Сергиевской, снимала маленькую, но хорошо обставленную квартиру. Отобедали по-семейному и весь вечер провели вместе. Василий Кириллович охотно рассказывал о Лизе и девочках, о том, как они все хорошо устроились в Усмани. Много смеялись, вспоминая некоторые проделки детей. Василий Кириллович инстинктивно чувствовал, как эта молодая девушка любит Лизу и привязана к их детям, поэтому пересказывал их жизнь во всех деталях. Миша не отходил от своей тётки. Ему было уютно у неё, она ведь такая ласковая. Тем более, Маруся всё повторяла во время встречи: "Здесь твой

дом, Мишенька. Запомни, как будут отпускать на выходные, прямо ко мне. Мы с тобой всегда найдем, как развлечься".

На душе у Василия Кирилловича было спокойно. Миша не будет одинок в городе. В Тифлисе рядом с ним будет такой близкий и заботливый человек, как Маруся. Она всегда позаботится и согреет мальчика.

Оставшиеся дни отец с сыном провели очень весело. Успели побывать и на утреннем спектакле в оперном театре и в саду Муштайд. Отец хотел побаловать сына и доставить ему как можно больше удовольствий, а сын был счастлив уже тем, что рядом с ним был его отец.

Великолепие Оперного театра Мишу поразило. Никогда раньше не видел он такого богатого убранства, сверкающего канделябрами и золотом украшений. Зал был заполнен нарядной публикой с детьми. А когда в притихший зал полилась божественная музыка и началась опера, Миша затих. Всё внимание к сцене. Искоса поглядывая на своего мальчика, зачарованного спектаклем, Василий Кириллович вспоминал тот первый день, когда он впервые увидел сына. Тогда ему был всего один год. Как незаметно проходят годы!

На следующий день они прощались. В приёмном зале кадетского корпуса Василий Кириллович крепко прижал к себе сына и расцеловал. Заметив слёзы на щеках мальчика, он ласково зашептал:

– Ну, Миша, перестань! Ты ведь теперь кадет. У тебя будет много новых друзей. Не унывай! На зимние каникулы приедешь домой в Усмань. Мы будем тебя ждать. До встречи, мой родной.

Миша успокоился и улыбнулся. Его уже поджидал старший офицер корпуса. Ещё раз, обняв сына и помахав на прощание рукой, полковник покинул кадетский корпус.

Прежде чем уехать, надо было найти Розу. Она писала ему, что переехала в Тифлис к сыну, и Василий Кириллович помнил адрес. Он остановил проезжающий мимо фаэтон.

– Куда будем ехать, господин полковник?

– Недалеко. Поезжай, голубчик, по Головинскому и сверни вниз на Барятинский спуск. После моста мимо памятника Воронцову вторая улица направо.

– Понятно, господин полковник. Вторая улица направо будет улица Панасевича, батоно.

"Как быстротечна жизнь, – думал Василий Кириллович, пока ехали. – Совсем недавно он приезжал в Нуху молодым поручиком. Вся семья его тогда встречала. Были живы и мать с отцом. Да, жизнь состоит из дней, которые остаются в памяти человека. Он помнил все подробности той поездки. Семейный обед с родными, их радостные лица. Незабываемая встреча".

– Приехали, господин полковник, – прервал его воспоминания фаэтонщик.

Василий Кириллович быстро отыскал дом, поднялся на второй этаж и позвонил. Ему открыл молодой человек. При виде полковника он смешался, а затем просиял и широко распахнул дверь.

– Входите, дядя Вася, какое событие! Вы меня не узнаете. Я – Арутюн. Вот радость для всех, – суетился племянник, пропуская Василия Кирилловича в гостиную.

– Барсег, – вскрикнула Роза и кинулась его обнимать. – Дорогой мой Барсег. Какой молодец, что не забыл и нашёл нас. Присаживайся. Сейчас я приготовлю тебе поесть. Вечером придёт Елена с мужем и устроим пир, как в Нухе.

Роза засуетилась, накрывая на стол. Василий Кириллович был взволнован, он не видел сестру больше десяти лет. Столько времени утекло, столько событий произошло за эти долгие годы! Затем позднее за чашкой кофе он рассказывал Розе о себе, о Лизе и своих дорогих девочках, о Мише, поступившем в Кадетский корпус.

Вечером за праздничным столом собралась вся семья Розы. Всем было интересно повидать "дядю Васю", послушать его, расспросить его о жизни в России. Роза всё это время была рядом с братом. Она с обожанием и нежностью смотрела на него. Их связывала любовь друг к другу с самого его детства.

Василию Кирилловичу не хотелось уходить. Он был среди родных. Придётся ли ещё увидеться, неизвестно?

Было уже поздно, когда он вынужден был подняться. Завтра утром уходит его поезд. Надо было выспаться.

Роза с Арутюном вышли его провожать. Обнимая брата, она всё причитала:

– Ты пиши, пиши. Твои письма для меня всегда – радость. Слава Богу, ты вернулся с фронта. Я так переживала за тебя. Пиши хоть короткие весточки. Пиши, не забывай! До свидания, Барсег!

Он покидал дом своей родной сестры с тёплым чувством. Рад был за Розу, у которой такой прекрасный сын. Ей будет хорошо с ним, он такой внимательный и заботливый.

Рано утром следующего дня полковник садился в поезд. Он возвращался домой в Усмань. Не терпелось ему скорей к Лизе и детям, которых он боготворил и которые, он был уверен, ждут его не дождутся.

Осень 16-го года в Усмани выдалась тёплой. Стояли тёплые погожие дни. Солнце пригревало ласкающими лучами землю, воздух и природа вокруг ликовала. Кроны деревьев ещё не оделись в свои золотистые одежды и своей зеленью радовали глаз. В такую погоду трудно усидеть дома, а тем более детям. Только вернутся из гимназии и сразу во двор. Двор большой с садом – раздолье для детских игр. Можно и побегать наперегонки и поиграть в прятки среди множества тенистых деревьев. Они могли часами проводить время в саду в весёлых шумных играх и возвращались лишь, когда Лиза звала их кушать. Тогда они хватали

маленькую Аню за руки и скорей – домой. Лиза не любила чрезмерного баловства. Она была строгой матерью. Может, поэтому они звали мать "Лизой", а отца "Папой". Может быть, хотя отец не всегда их баловал и не со всеми детскими просьбами соглашался.

Никакие пикники и загородные прогулки в лес он разрешить не мог. Он спокойно, никогда не повышая голоса, объяснял им, что идёт война и на фронте гибнут люди и что такие прогулки сейчас неуместны.

Дети всегда внимательно слушали отца и понимали причину отказа. Они его любили и верили ему.

А вот прогуляться по городу в коляске – это возможно. И Василий Кириллович тут же звал Никиту и просил его покатавать детей по городу. "Ехать осторожно и медленно", – предупреждал он. Дети рассаживались в коляске. Лена, как старшая, всегда в центре, обхватив обеих сестёр. Никита выезжал со двора медленно, как велено, но, отъехав от дома, тут же обо всём забывал и пристёгивал лошадей. Они мчались по городу, крепко прижавшись друг к другу. Только ветер шумел в ушах и трепал их волосы.

Возвращались домой чинно и неторопливо, чтоб родители ничего не заподозрили. Никита распрягал лошадей и отводил их в конюшню на задний двор. После таких поездок отец брал девочек с собой и шёл приласкать лошадей. Они ведь устали, и им надо принести кусочек лакомства – сахар.

Сначала было боязно кормить, но когда Василий Кириллович показал им, как надо подавать лошадям сахар, они осмелели. Частенько среди дня сами навещали конюшню с кусочком сахара и осторожно протягивали его лошадям. Лошадь слизывала лакомство с ладошки детей своими влажными тёплыми губами. Было щекотно и забавно.

Иногда по вечерам совершали всей семьёй прогулки в городской парк. Там всегда было много семейных пар с детьми. К удовольствию детей есть и качели и карусель. Визг, звонкие детские голоса,

восторженные лица. Они раскачивались снова и снова или без усталости кружились на карусели. Смотреть на них было одно удовольствие.

Рядом с домом военного коменданта размещался детский приют. Василий Кириллович посещал его по большим праздникам. Вместе с детьми готовил подарки для детей.

– Они ведь сироты, – пояснял он, – Им никто не принесёт игрушек. Они – без родителей, а мы живём рядом и должны о них позаботиться.

В такие дни там их всегда ждали и радостно приветствовали.

Трогательная сцена – три маленькие девочки в белых нарядных платьях щедро раздают подарки скромным приютским обитателям. В них нисколько не было жадности, а ведь с некоторыми игрушками и куклами им и самим хотелось поиграть.

Лиза была хозяйкой. Она неустанно следила за порядком и чистотой в этом большом доме. С любовью создавала уют и того же требовала от прислуги. Её муж и дети должны быть окружены заботой и вниманием, обстановка в доме должна их радовать.

В семье говорили только по-русски, и дети знали только русский язык. Василий Кириллович очень редко говорил с женой на армянском, только когда оставались вдвоём и надо было сообщить что-то важное по секрету. Но дух большой доброй армянской семьи Лиза пыталась сохранить.

Нередко она устраивала обеды с приглашением офицеров усманского батальона. Знала, что мужу будет приятно провести вечер в кругу сослуживцев. На обед подавались армянские национальные блюда, которые уже искусно готовила кухарка: чанах, фаршированную толму, бозбаш или чапови.

Без жеманства садилась Лиза за фортепиано, чтобы скрасить вечер музыкой. Доставить удовольствие приглашённым было её задачей, и она великолепно с ней справлялась.

В гарнизоне любили семью полковника, а своим начальником, боевым офицером, проведшим не один год на фронте, восторгались. Часто упрашивали его провести время вместе в офицерском собрании, поговорить о войне, о фронте, но никогда не могли его заставить. Знали, как его тянет домой в семью, как он влюблён в свою жену и детей. И поэтому не очень настаивали. А он, Василий Кириллович, не мог допустить и мысли провести вечер вне дома. Дома его ждут, будут волноваться, а дети не сразу заснут. И потом, кто их укутает одеялом и погладит по спинке, как обычно?

Семейная жизнь в Усмани была безоблачной, полная счастья.

К своему первому Рождеству и Новому Году в Усмани вся семья готовилась заблаговременно. Ждали на каникулы Мишу и хотели его удивить и порадовать.

Большую пахучую ёлку украшали все вместе. Лиза купила ёлочные украшения и сверкающие игрушки, а дети смастерили разные подвески и раскрасили их. Ёлка получилась нарядная и торжественная. Василий Кириллович поднял высоко Аню на руки, и та осторожно одела на самую вершину ёлки блестящую звезду.

Перед самым Рождеством заехал молоденький подпоручик из гарнизона. В руках большой и тяжёлый пакет.

– Господин полковник, не откажитесь принять в подарок, – говорил он смущаясь, – Не знаю, понравится ли. Сам изготовил.

Когда он развернул пакет и расставил содержимое, Лиза ахнула от восхищения. Четыре овальных настенных барельефа, искусно вырезанных из куска тёмного дерева, поражали мастерством и благородством линий. Это был чудный подарок!

Подпоручик улыбался. Он был рад, что подарок всем пришёлся по душе. Остаться и отобедать он отказался, несмотря на настойчивые уговоры Лизы. Служба.

Орнаменты изображали дары природы, и их решили повесить по стенам столовой. Лиза не могла нарадоваться и всё повторяла:

– Этот подпоручик – настоящий художник.

Всё было готово к празднику, но Миша, к сожалению, не приехал. От него получили только поздравительную открытку и письмо. Он не сможет приехать. Каникулы короткие. Будет встречать праздники с Марусей в Тифлисе. Она тоже устроила ёлку, и ему у неё очень хорошо.

Праздники в Усмани прошли очень весело. Сначала Рождество, затем Новый год – длинные и нескончаемые. Много гостей с детьми, подарки, сладости. И всё это время дружные хороводы вокруг нарядно убранной ёлки, мерцающей игрушками и горящими свечками.

Никто тогда не мог предположить, что это последний счастливый Новый год для этой семьи, что такого уже не будет никогда, что жизнь вскоре переменится, и наступят страшные времена. Начинался новый 1917 год.

Первые тревожные слухи появились в городе уже в январе, а затем пошли сообщения в газетах о волнениях и беспорядках в Петрограде. Каждый день приносил новые неутешительные известия из столицы. Манифестации, толпы людей на улицах, призывы к свержению власти, бездействие Царского правительства. Беспорядки и демонстрации ширились и приобретали необратимый характер. Революционное движение целенаправленно вело к свержению монархии, и не было силы, способной остановить его.

Российскую империю подтачивали в течение последних лет со всех сторон. В этом участвовали и молодая поросль аристократических семейств от скуки и безделья и русская интеллигенция всех направлений, отдававшая дань моде либеральных идей и сомнительных ценностей, и неудавшиеся студенты, изгнанные из университетов за неуспеваемость, и огромное число проходимцев всех мастей.

Они не понимали только одного, что вместе с монархией они подтачивали и фундамент самого государства, и оно может рухнуть в любой момент. Когда произошла Февральская революция, они радовались и ликовали, не замечая, что фундамент дал трещину, государство вскоре рухнет и под обломками погибнут миллионы русских людей. Они тоже не уцелеют в этой катастрофе.

Отречение императора Николая II, создание Временного правительства, избрание непонятных солдатских Советов – всё это было прелюдией надвигающегося хаоса и смутного времени.

Оставалась, правда, Российская армия, которая вела изнурительную и затяжную войну. Революционеры преуспели и здесь. Своим известным приказом № 1 они стали разрушать армейскую дисциплину и единоначалие, подорвали дух войск и вселили неверие в своих военачальников. Это был удар в спину. Демократизация армии закончилась полным её разложением. Армии больше не существовало. Существовала вооружённая толпа солдат, опасная только для собственного народа.

Для полковника Василия Осипянца – это была и личная драма. Рухнуло всё, во что он верил и что любил с самого детства в течение 40 лет – погибла Армия и Великое Царево дело. Он тяжело переживал эти потрясения.

Первые отголоски столичной революции докатились до Усмани весной 1917 года. На центральной площади стали проводить митинги с участием разнузданных солдат, черни и разного сброда, не желающего работать. Выступающие ораторы призывали толпу к самым иногда противоположным действиям. Одни требовали продолжить войну до победного завершения, другие – за окончание войны. Яд ненависти и злобы медленно вползал в души людей. Скоро эта толпа примет облик зверя.

Временное правительство практически бездействовало. Появлялись время от времени уполномоченные, требовавшие тех или иных перемен, назначались новые комиссары, сменявшие прежних, но остановить митингующую толпу не в состоянии был никто. Толпа была уже неуправляемая.

События в Усмани Василий Кириллович переносил с тревогой. Очень нервничал, переживал сообщения с фронта и вести из других российских городов. По стране началось преследование офицеров, глумление и издевательство над ними со стороны солдат. Многие офицеры не выдерживали и кончали жизнь самоубийством. Появились и первые казни офицеров, как на фронте, так и в городах.

Вакханалия принимала вселенский размах. В Усмани бесчисленные толпы солдат-дезертиров после очередного митинга непременно появлялись перед домом Новоселовых и, вливаясь во двор, заполняли его. Как всегда, требовали коменданта. И полковник выходил к ним, пытаясь их образумить и успокоить. Ему это удавалось каждый раз с большим трудом. Пока удавалось. Никто не мог предвидеть, что произойдёт на следующий день. В толпе уже мелькали лозунги "Бей золотопогонников и их щенков", и это представляло реальную угрозу всей семье полковника.

Надо было действовать. Спасать Лизу и детей. Толпа, охваченная звериной злобой, не пощадит и детские жизни. Надо было уезжать на Кавказ, на Южный фронт. Василий Кириллович всё колеблется, всё оттягивает решение об отъезде.

Падение Временного правительства и захват власти кучкой преступников-революционеров подтолкнули семью к бегству. После получения известия о зверском убийстве князя Б.Л. Вяземского на станции Грязи 15 ноября 1917 года полковник Василий Осипянц покидает Усмань. Вместе ехать всей семьёй – опасно. Присутствие офицера создавало смертельную угрозу для всей семьи, включая детей.

Лиза прекрасно понимала, в каком положении находится её муж. Каждую потерянную минуту ему грозила гибель. Именно она настояла на его безотлагательном отъезде на Кавказ. Сама она уедет через пару недель вслед за ним в Тифлис.

Огромная Россия уже вступила в неофициальный красный большевистский террор. Повсюду шли поиски и расстрелы офицеров. На вокзалах и станциях буйствовали революционные комитеты. Все поезда обыскивались с целью выявить офицеров. Найденных тут же расстреливали, и трупы лежали необузданными тут же на платформах. Часто ликвидировались полностью офицерские семьи, их жёны и дети расстреливались вместе.

Шло планомерное уничтожение славного офицерского корпуса Российской армии. Теперь офицеры были изгои в собственной стране. Те самые герои – господа офицеры, проливавшие кровь за Родину и храбро сражавшиеся на фронтах Великой войны, те самые, которые совсем недавно так гордо маршировали на парадах, увешанные наградами и обласканные Императором, теперь вынуждены были спасаться от своего же народа, спасти не столько себя, сколько своих матерей, жен и детей. "Бей золотопогонников и их щенков" – звериный призыв большевистской власти действовал повсюду.

Полковнику Василию Осипянцу повезло проскочить через многочисленные облавы революционных комитетов на пути и прибыть в Закавказье. Тревога за Лизу и детей не покидала его. Он не знал, что через несколько дней в его усманский дом ворвалась группа пьяных солдат и матросов. Требовали военного коменданта, но он был уже для них недосыгаем. Их встретила Лиза, гордая и бесстрашная. Она загоразивала троих маленьких девочек, напуганных криками вломившихся людей.

Лизу ничего не испугало. В её глазах было столько ненависти и презрения, что ворвавшиеся примолкли, и она с достоинством бросила в лицо их главарю, плюгавому студенту в очках:

– Мой муж отправился на Южный фронт защищать Родину, которую постигла беда. Это следовало бы и вам сделать, а не врывать в чужие дома.

Решимость этой молодой красивой женщины защищать свой дом и своих детей подействовала. Непрошенные гости оторопели и, пятясь задом к двери, покинули дом. Решили между собой жену полковника и его детей пока не трогать.

Угроза на этот раз миновала, но задерживаться дольше было нельзя. В начале января 1918 года Лизе с детьми удается благополучно выехать из Усмани. Её провожали кухарка, верный денщик Никита и двое в штатской одежде – бывшие офицеры мужа.

Та прежняя жизнь останется только в её воспоминаниях.

В начале декабря 1917 года Василий Кириллович прибыл в Тифлис. В городе всё было спокойно. На улицах не видно было ни бесчинствующих толп солдат, ни манифестаций. И только большое количество офицеров напоминало о трагических событиях в России. В основной массе это были офицеры из местных жителей: армяне и грузины, но много и русских военных. Все они стремились попасть на Южный фронт. Места на родной земле им сейчас не было.

Власть в Закавказье осуществлял Закавказский комиссариат, стремившийся к отделению от большевистской России. Шло формирование Закавказской армии во главе с генералом Н.З. Одишелидзе. Армия должна была включать два корпуса: Отдельный Грузинский корпус под командованием генерала В.Д. Габашвили и Отдельный Армянский корпус под командованием генерала Ф.И. Назарбекова.

Южный фронт Российской армии ещё сохранялся, и главнокомандующие Кавказским фронтом сначала генерал М.А. Пржевальский, а позднее генерал Е.В. Лебединский предпринимали

любые действия для сохранения дисциплины в войсках, хотя Русская армия подвергалась сильному разложению. Ситуация на фронте была сложная и тяжёлая. Турецкая армия представляла серьёзную угрозу народам Закавказья.

Василий Кириллович остановился у Силиковых. Все гостиницы были переполнены офицерами и беженцами. Генерал Силиков рад был приютить полковника у себя. Ужасные события, происходящие в России, тревожили его. Они долго беседовали о положении в стране, о будущем Закавказья, о турецком фронте.

– Василий Каграмонович, вы думаете, пронесет нас это лихолетье?

– Не знаю, не уверен. В России полная анархия. Главная задача – удержать Турецкий фронт. Иначе это приведёт к гибели народов всего Закавказья, – тревожно и озабоченно прозвучал ответ полковника. Все мысли Василия Кирилловича были заняты Лизой и детьми. Сумела ли она выбраться? Где сейчас? Что с ней? Степан Артемьевич пытался его успокоить:

– Не волнуйтесь за Лизу и детей. Она – Мелик-Алахвердова. Она не даст детей в обиду. В ней столько силы. Она преодолет все трудности. Мой вам совет – поживите пока у меня и отдохните. Через две, от силы три недели, вы уже будете её встречать.

– Никак не могу остаться, Степан Артемьевич. Получу завтра назначение – и на фронт. Там положение угрожающее. Окажите Лизе поддержку, когда она приедет в Тифлис. Благодарю вас за всё.

На следующий день в штабе Армянского корпуса полковник Василий Осипянц получил назначение в дивизию генерала А. Арешева командиром 2-го стрелкового полка.

Встреча с командующим корпуса генерал-лейтенантом Ф.И. Назарбековым была тёплой. Они обнялись как старые добрые друзья. Судьба снова свела их. Для этих кадровых офицеров Царской армии

защита Армении была делом чести. Они были военными, и только они могли помочь Родине в минуту смертельной опасности.

Перед отъездом на фронт Василий Кириллович заскочил в Кадетский корпус проститься с сыном. При встрече он даже не узнал Мишу, так мальчик повзрослел и вытянулся. Ему шёл 14-й год.

Василий Кириллович описал сыну всю картину происходивших в Усмани событий и рассказал о всех их злоключениях. Краски не сгущал. О своей тревоге за судьбу семьи не сказал ни слова. Мальчик будет тревожиться. Это ни к чему. Напротив, убеждал, что Лиза уже на пути в Тифлис.

– Скоро, совсем скоро ты увидишь маму и сестрёнок, – сказал он на прощание, – Думаю через пару недель. Они по тебе так соскучились. Я буду недалеко на фронте. Дивизия формируется в Александрополе, а затем направимся в район Карса. Ну, прощай, мой родной.

Полковник уехал в г. Александрополь. Уезжая на фронт, он оставил два адреса для переписки в штабе корпуса: Силиковых и Розы Осипянц. Он по-прежнему не знал, где Лиза и что случилось с ней.

Вестей с фронта от него не было.

Лиза получила сообщение о гибели мужа в конце июня 1918 года уже будучи во Владикавказе. Оно пришло вместе с соболезнованием от Силиковых. Это было страшное известие. Тяжкое горе потери мужа сразило её. Казалось, что у неё вынули сердце. Дети остались без "папы", которого так любили. Не успели они в Тифлис вовремя, чтоб увидеть его.

Горе не сломило Лизу. В самые трудные минуты она становилась Мелик-Алахвердовой, решительной и неустрашимой. Она находит в себе силы и преодолевает бесконечно долгий путь из Владикавказа в Эривань. И это в то страшное и непростое время. Цель одна – разыскать могилу супруга и похоронить по-христиански.

В Эривани она находит штаб Армянского корпуса и встречается с командующим генералом Ф.И. Назарбековым, который подтверждает факт гибели полковника Василия Осипянца. Генерал знал Лизу ещё по Тифлису. Он молча выслушивает её обвинения в свой адрес, он сам потрясен гибелью боевого товарища. Но просьбу Лизы о поездке в пограничные районы он упорно отвергает.

– Он наш герой, он погиб, как герой, Армения его не забудет, – звучат его слова, – Мы сами найдём его могилу, похороним со всеми почестями и вам сообщим. Туда ехать вам никак нельзя, Елизавета Иосифовна. В Александрополе турки. Мы с трудом их остановили.

Она возвратилась ни с чем. Она поверила Назарбекову, поверила Армянским властям. Несколько лет ждала она сообщений из Эривани, да так и не дождалась...

Семья нашла приют в Тифлисе в доме Силиковых. Там Лиза с детьми прожила долгие годы. Всё это время считалось, что глава семьи, полковник Василий Осипянц, погиб где-то под Карсом. В советское время до 50-х годов продолжались репрессии офицерских семей, и в семье о нём вслух не вспоминали. Его образ они хранили в глубине своего сердца.

## Последние поиски и находки

Первые сведения о военных действиях Армянского корпуса на Турецком фронте в 18-м году появились в книге маршала Советского Союза И.Х. Баграмяна "Мои воспоминания". Это произошло почти через 60 лет после гибели полковника Василия Осипянца. Были ещё живы две его дочери: Нина и Анна (Нюся), постаревшие, но по-прежнему бережно сохраняющие память об отце. Они радовались от одного только упоминания его имени среди других защитников Армении. Сколько было в них гордости за "папу", когда они показывали мне эту книгу.

Теперь можно было проследить последние месяцы его жизни, о которых никто ничего не знал. Известно было, что полковник В. Осипянец получил назначение в дивизию ген. Арешева командиром 2-го стрелкового полка в конце декабря 1917 года.

После отхода части русских войск в течение декабря-января 1917-1918 г.г. Турция развернула наступление по всему фронту: 12 февраля захвачен Эрзиджан, 13 февраля – Байбурт, 24 февраля – Трапезунд, 12 марта пал Эрзерум.

Турецким войскам противостояли Армянский и Грузинский корпуса и русские офицерские части. Главнокомандующим фронтом пока ещё был генерал Е.В. Лебединский. Он покинет свой пост в апреле.

Далее читаем у И.Х. Баграмяна:

"... ген. Андраник с главными силами своей добровольческой дивизии направился в Сарикамыш, где к этому времени заканчивала

сосредоточение 1-я Армянская стрелковая дивизия ген. Арешева и другие части Отдельного Армянского корпуса".

"В конце марта у Сарикамыша начались упорные бои с 1-м армейским корпусом турок, пытавшимся прорваться в Карсу".

"Почти 2 недели продолжалась битва за Сарикамыш. После упорных боёв 5 апреля 1918 года турки, несмотря на большие потери, заняли этот пограничный город, а 7 апреля – и Ардаган".

"Ген. Аршев, возглавлявший Сарикамышский отряд, в своих воспоминаниях по этому поводу отмечал, что в сложившейся обстановке, ему пришлось принять все меры, чтобы отразить сильные удары турок из района Бардуса на юго-восток, в обход правого фланга отряда. Развернулось упорное сражение. И только, когда возникла явная угроза выхода значительных сил в тыл Сарикамышской группировки, он вынужден был принять решение отходить на Ново-Селимские позиции. Этот манёвр, как утверждает ген. Аршев, был выполнен довольно организованно, и у Ново-Селима турки вновь встретили упорное сопротивление армянских войск, прикрывавших Карское направление".

"Намного уступая туркам в численности войск, особенно в артиллерии, части 1-й Армянской стрелковой дивизии и отдельной кавбригады, упорно сопротивляясь, медленно отходили в направлении Карса".

"К исходу 23 апреля 1-я Армянская стрелковая дивизия, отдельная кавалерийская бригада и другие части корпуса Назарбекова под прикрытием сильных арьергардных частей отошли и организованно заняли довольно хорошо подготовленную в инженерном отношении оборонительную позицию на подступах к Карскому крепостному району с запада".

"... председатель правительства ЗФДР А. Чхенкели приказал командиру Армянского корпуса генерал-лейтенанту Назарбекову сдать турецким войскам город и крепость Карс без боя. Назарбеков при этом

категорически заявил, что его войска имеют реальную возможность отразить наступление турок и не менее месяца прочно удерживать за собой Карский крепостной район. Возражения командира корпуса было отвергнуто".

"Настойчивые требования А. Чхенкели вынудили ген. Назарбекова сдать турецким войскам город и крепость Карс без боя. 25 апреля части 1-го армейского корпуса турок без единого выстрела вступили в этот важный в военном и политическом отношении населённый пункт..."

"Прикрывая эвакуацию населения, части корпуса Назарбекова в течение нескольких дней оставляли территорию Карской области и отошли в район Александрополя".

"Центральный участок фронта занимал Александропольский отряд в составе 1-й Армянской стрелковой дивизии генерала Арешева и частей Александропольской крепости. Он имел задачу прикрыть город и выходы из него в направлении Джаджурского перевала".

"Командир корпуса генерал-лейтенант Назарбеков сосредоточил за Александропольским отрядом свои резервы, чтобы не допустить прорыва главной группировки турецких войск в направлении Караклиса и Дилижана".

"Накануне коварного нападения турок на Александрополь мы все готовились отпраздновать 15 мая – первый день Пасхи. Непростительно беспечно поступил тогда командир 1-й Армянской стрелковой дивизии генерал Арешев, пригласив к себе в ночь под праздник всех четырёх командиров полков – полковников Пирумова, Осипяна, Самарцева и подполковника Каракешишяна. Надо полагать в ту ночь подобные "пасхальные торжества" были устроены и офицерами других частей, которые, глядя на своих старших начальников, тоже забыли о всякой бдительности.

Этим обстоятельством и воспользовалось командование турецкими войсками. Утром 15 мая полки 1-й Армянской дивизии и войсковые части

крепости Александрополь подверглись сильному артиллерийскому обстрелу, а вслед за этим и атаке со стороны турецких войск.

Весьма странную позицию занял командир Армянского корпуса генерал-лейтенант Назарбеков. Находясь в ночь на 15 мая вблизи от Александрополя и зная, что турки могут развернуть внезапное наступление, этот боевой и достаточно опытный военачальник не предпринял никаких мер для того, чтобы немедленно привести в боевую готовность подчинённые ему войска".

"Охваченные с обоих флангов, полки 1-й Армянской стрелковой дивизии не выдержали внезапного натиска врага и, оставив город, начали поспешно, неорганизованно отходить на Джаджурский перевал и далее на Караклис".

Из воспоминаний маршала явствует, что мой дед полковник Василий Осипянц (или как он его называет на современный манер полковник Осипян) в ночь под Пасху 15 мая 1918 года был ещё жив. Четыре месяца изнурительных боёв с турками и в конце такая катастрофа под Александрополем. Нам всем тогда казалось, что именно во время этого сражения он и погиб. Под Александрополем Армянский корпус потерпел сокрушительное поражение, понёс значительные потери и отступил за Джаджурский перевал.

Из той дружной семьи полковника Василия Осипянца никого уже не осталось. Все покинули этот мир. Последней скончалась его дочь Нина в 2003 году. Ей было 94 года. Она вспоминала отца всё время и неустанно рассказывала о нём мне, своему сыну. Будто чувствовала, что я непременно напишу о нём и до конца разгадаю обстоятельства его гибели. Она часто повторяла, что "папа" ни за что бы не изменил присяге и не пошёл бы служить красным, для него было лучше погибнуть на фронте, как воину, чем оказаться в дальнейшем в застенках ЧК. Она гордилась тем,

что отцом её был человек, для которого любовь, служение отечеству и верность были главными критериями и смыслом жизни.

В руках у меня документ, свидетельствующий об одном из счастливых дней Василия Осипянца – рождении дочери. Я перечитываю вновь метрическую выписку моей мамы, Осиповой Нины Васильевны. В ней говорится:

"... от брака, штабс-капитана Барсега (он же Василий) Каграмонян Овсепянц с женой Елисабет Овсепьян, оба Армяно-Григорианского вероисповедания, тысяча девятьсот восьмого года октября двадцать четвёртого дня родилась дочь, которая крещена 28 декабря того же года, священником Погосом Меликянц и при св. крещении наречено имя ей Нуне. Восприемником был штабс-капитан Оганес Саркисян Овсепянц

В чем причт подписью и приложением церковной печати свидетельствует 31 марта 1910 года,

гор. Владикавказ,

Благочинный свящ. П. Меликянц."

По документу её крёстным отцом был штабс-капитан Оганес Саркисович Овсепянц. Кто он? Какова его судьба? Ничего не было известно.

Естественно было предположить, что он служил в том же 81-м пехотном Апшеронском полку и жил во Владикавказе. Однако, к моему сожалению, в списках полка я его не нашёл. Не значился он и в "Общем списке офицерским чинам Российской Императорской Армии" за 1910 год. Штабс-капитана под таким именем не существовало.

Конечно, в светской жизни у него могло быть другое имя и фамилия, похожее на Осипян или Овсепян. Но и тут меня ждало разочарование. В общем списке такого офицера не было.

Во время моих бесчисленных поисков наградных указов в газете "Русский инвалид" с 1910 по 1916 годы всё время мелькало имя Иоганеса Осипова, офицера 81-го Апшеронского полка. Вместе с моим дедом ему

был пожалован первый боевой орденом Св. Станислава 2-й степени с мечами 1 января 1915 года.

В одном и том же номере газеты в высочайшем приказе от 9-го августа 1916 года читаем:

моему деду Василию Осипянцу – присвоение чина полковника,  
Иоганесу Осипову – высочайшее благоволение.

Меня словно осенило прозрение. Да, вполне вероятно, можно было предположить, что загадочным крёстным отцом моей мамы был Иоганес Сергеевич Осипов, в 1910 году штабс-капитан 81-го пехотного Апшеронского полка, по церковной книге Оганес Саркисян Овсепянц.

Видимо, он был в дружеских отношениях с семьёй Василия Осипянца, раз ему предложили стать крёстным отцом моей мамы.

Для подтверждения оставалось только получить копию послужного списка из Центрального Исторического архива и убедиться в его Армяно-Григорианском вероисповедании.

Иоганес Осипов закончил Первую мировую войну в чине генерал-майора, был награждён орденом Св. Георгия 4 ст. за подвиги на фронте.



Позднее вступил в Добровольческую Армию и сражался за спасение России до самого конца. Эвакуировался из Крыма в 1920 году вместе с частями доблестной Белой Армии.

В книге "Кавалеры ордена Св. Великомуч. и Победон. Георгия и Георгиевского оружия", изданной в Белграде в 1930 году, помещена фотография Иоганеса Осипова и небольшое сообщение о его подвиге.

Как сложилась в дальнейшем судьба Иоганеса Осипова за границей, мне неизвестно. В журнале "Военная быль" № 77 за 1966 год, издаваемого в Париже, его имя упомянуто как основателя полкового объединения и создателя музея-Храма Славы 81-го пехотного Апшеронского полка.

Моя мама могла бы гордиться таким крёстным, если бы знала это при жизни. Но удивительная вещь – какая-то непонятная загадочная связь между ними всё же существовала. И измененная фамилия мамы – Н.В. Осипова, совпавшая с крёстным отцом, и её непреклонная вера в справедливость Белого движения, где среди многих кристально чистых офицеров сражался и её крестный, – всё это указывает на существование некой божественной связи, скреплённой святым крещением.

И ещё, не странно ли, но мама очень часто любила повторять вслух некоторые отрывки из книги К. Гамсуна "Виктория", при этом она каждый раз с нежностью произносила имя главного героя "Иоганнес".

А может, мама и знала, что её крёстным отцом был Иоганес Осипов, тогда ещё штабс-капитан Апшеронского полка. Это была её тайна, и она не говорила об этом.

Я послал запрос на Иоганеса Осипова в Центральный Исторический Архив России и ровно через месяц получил по телефону подтверждение своей догадки:

"Иоганес Сергеевич Осипов, офицер 81-го пехотного Апшеронского полка, происходит из Душети, Тифлисской губернии, вероисповедание – Армяно-Григорианское. Он армянин".

Сомнений больше быть не могло. Это был мамин крёстный.

Кстати, в документах на Иоганеса Сергеевича Осипова есть ещё одна любопытная деталь: "Был женат, жена вероисповедания православного, уроженка области Войска Донского. Имел 1 дочь 6-ти лет (на 1914 г.)".

Дочь крёстного была маминой ровесницей. О судьбе его семьи сведений нет.

Мы сидим в маленьком кафе на Петроградской стороне в Санкт-Петербурге, и я рассказываю моему доброму приятелю Борису Кришневскому, что привело меня на этот раз в город на Неве. Он, не перебивая, внимательно слушает. Врождённая интеллигентность коренного петербуржца не позволяет ему прервать собеседника, тем более, когда речь заходит о судьбе дорогого и близкого человека.

– Мой дед бывал в Санкт-Петербурге, по-моему, дважды. В первый раз его, тяжело раненого, привезли сюда в конце декабря 1914 года и поместили в Лазарет Красного Креста "КЕНИГ" на Самсоньевской набережной 5-7. Он провёл здесь около 3 недель.

Второй раз он побывал в столице в октябре-ноябре 1916 г. Думаю, что его вызвали в Главный штаб, возможно в связи с высочайшим утверждением Георгиевского оружия, а может быть, по поводу назначения военным комендантом. Точно не знаю, но, скорее, это было связано с наградой.

Здесь он и сфотографировался на Невском проспекте 12 в ателье Войно-Оранского, рядом с Главным штабом недалеко от Зимнего дворца. Вполне возможно, что награду он получил на торжественном приёме из рук самого Императора. Такие случаи бывали, но доказательств нет. Хотелось бы увидеть места, где бывал мой дед. Как вы думаете, легко ли будет их разыскать? – спросил я под конец Бориса Александровича.

Он не заставил меня ждать и тут же отреагировал:

– Мы сейчас же поедem на Самсоньевскую набережную, а затем на Невский, и вы увидите те здания, которые упомянули.

Борис сдержал своё слово. И через несколько минут я стоял напротив старинного трёхэтажного корпуса бывшего лазарета "КЕНИГ". Чудом сохранился только один из трёх корпусов госпиталя. Может, в этом корпусе и находился мой дед после ранения. Может быть...

Мы отыскивали также дом на Невском проспекте, 12. Это – старинное пятиэтажное здание на левой стороне проспекта, совсем близко от Арки

Главного штаба. Конечно, фотографии Войно-Оранского давно не существует, но дом по-прежнему стоит.

Приятно посетить места, связанные так или иначе с прошлым твоих родных и увидеть всё своими глазами. Охватывает чувство волнения от одной мысли, что ты стоишь на том же месте, где когда-то давным-давно стоял твой дед. Спасибо тебе, Борис!

Историк В. Шамбаров в своей книге "За Веру, Царя и Отечество", вышедшей в 2003 году, очень подробно и правдиво описывает события Первой мировой войны, победы и поражения русских войск на Германском фронте, блестящие победы на Турецком фронте, взятие Сарикамыш, Эрзерума и Трапезунда, освобождение Западной Армении.

В книге приведены факты геноцида армянского населения в турецких провинциях, страшные подробности и факты их поголовного истребления, жуткие картины пыток и зверств турецких властей. Эти страницы трудно читать без содрогания. Они причиняют невыразимую боль.

В. Шамбаров детально коснулся и событий 15 мая 1918 года на турецком фронте.

Вот что он пишет:

"Немногочисленный Армянский корпус растянулся в одну линию вдоль границы – на правом фланге отряд Андраника, у Александрополя – Арешева, на левом фланге Алагезский отряд Мореля и Эриванский Силикова. Время наступления было выбрано неслучайно, в ночь на 15.5, когда христиане праздновали день Пасхи..."

"Вдруг среди ночи был прислан ультиматум – к 6 часам очистить Александрополь. И даже не дожидаясь поставленного срока, турки начали артобстрел. И по крепости и по жилым кварталам. После чего 4 дивизии Шевки-паши (одна осталась в Карсе в резерве), около 35 тыс. штыков и сабель, ринулись в атаку. Армянский корпус потерпел жестокое поражение и был разрезан натрое. Одна часть во главе с Андраником откатывалась на север, на Борчалу и Тифлис, другая во главе с Назарбековым – на восток, на Караклис (Кировакан, ныне Ванадзор), третья вдоль железной дороги на юг – на Эчмиадзин и Эривань. Было взято 4 тыс. пленных, с которыми расправились с крайней жестокостью – их везли в тыл и отдавали на растерзание толпам гражданского турецкого населения, вооружённым палками, камнями, ножами".

"Основное ядро Армянского корпуса откатилось на 100 км на восток, к Дилижану. Здесь Назарбекову и его начальнику штаба Вышинскому удалось остановить отступление и привести в порядок растрепанные части".

"...24.5 перешла в наступление и группировка Назарбекова (7 тыс. бойцов, 10 орудий и 20 пулемётов), ударив на преследующую её 11-ю дивизию. Несмотря на численное неравенство – у турок здесь было 10 тыс. человек и вся корпусная артиллерия, 70 орудий и 40 пулемётов, неприятелю нанесли поражение и отбросили от Караклиса на 4-5 км".

Читая В. Шамбарова, я вновь убеждался в наших предположениях, что мой дед полковник Василий Осипянц погиб в сражении за Александрополь 15 мая 1918 года. Его имя после этих событий не упоминалось нигде. Правда, нет доказательств его гибели, одни только слова.

Смутная тревога исподволь поселилась в сердце. Что, если он не погиб, а был взят в плен? Ведь могила так и не была найдена. Боже мой, неужели он мог оказаться среди этих несчастных 4 тыс. пленных и подвергнуться жестоким издевательствам, пыткам и казни? Эта навязчивая

мысль стала постоянно тревожить и беспокоить моё воображение. Она неотступно преследовала меня до такой степени, что я решил на время прекратить дальнейшие поиски материалов. Я боялся, что в конце концов я найду свидетельства его пленения и казни. Пережить это я не смогу. Надо было успокоиться.

Я летел в Тбилиси с определённой целью. Мне не терпелось вновь увидеть и запечатлеть те уголки старого города, где учился и служил мой дед, а кроме того попытаться найти могилу его сына Миши. Была ещё идея съездить в Ереван или в Александрополь (Ленинакан), и там, на месте, продолжить поиск документов об обстоятельствах гибели деда, но я сомневался в её осуществлении.

Когда самолёт поднялся в воздух из аэропорта Домодедово, моя соседка, немолодая грузинка, достала из сумочки иконку и, держа её обеими руками, стала тихонько молиться.

– А это поможет? – спросил я её, указывая на иконку.

– Непременно, – ответила она на ломаном русском и улыбнулась.

Так она и просидела с иконкой в руках весь полёт, отказавшись и от завтрака и от прохладительных напитков. Через полтора часа под нами замаячили величественные вершины Главного Кавказского хребта, и я обратил на это внимание моей попутчицы.

Женщина облегчённо вздохнула и тут же спрятала иконку. Странно. Вероятно, она верила, что в небе её страны, в Грузии, несчастья уже быть не может. Минут через 20 самолёт приземлился в Тбилиси, и вскоре меня встречали мои родные: двоюродная сестра Нона Сулаберидзе и племянница Леночка Торадзе. Они меня любили и с нетерпением ждали каждого моего приезда, хотя я и доставлял им много хлопот своими невероятными и эксцентричными предприятиями.

Сегодня мы с сестрой гуляем по Тбилиси. Совершаем пешую прогулку по Сололаку – этому неповторимому, чудом сохранившемуся оазису старого Тифлиса. Поднимаемся по Консульской улице (ул. Чайковского), что тянется вверх от Головинского проспекта (пр-т Руставели) между дворцом наместника и теперешним домом правительства. Раньше на этом месте стоял монументальный Военный собор им. Александра Невского, снесённый большевиками в 30-х годах.

Мы идём не спеша, преодолевая крутой подъём, поднимаемся всё выше. Останавливаемся у каждого старинного особняка, чтобы полюбоваться им. Проходим заведение Св. Нины, небольшое трёхэтажное здание с башенкой и конусообразным куполом с крестом. Здесь до революции получали образование девушки из благородных семейств.

Ещё чуть вверх, и мы выходим на улицу Гудовича (Чонкадзе). Я ищу дом генерал-лейтенанта Назарбекова, командовавшего Армянским корпусом в 1918 году. Этот дом описан в книге Г.А. Айрапетяна "Последний спарапет" как трёхэтажный особняк с гербом со львами, расположенный на углу Лермонтовской и Гудовича. И рядом с улицей Лермонтова – два похожих дома. Какой из них – фамильный дом Назарбековых, выяснить не удаётся. Гербы на фасадах не сохранились. Где-то здесь бывал мой дед. Я нахожусь совсем рядом.

Необыкновенное чувство восхищения охватывает, когда видишь эти старинные прекрасные особняки, чудесные ансамбли с изящными коваными решётками, эту изысканную архитектуру ушедшего времени.

Я думаю о людях, которые создавали эти здания, о тех поколениях, что жили здесь когда-то и своим благородством, порядочностью и духовной красотой украшали этот район и этот Город.

Их давно уже нет. Они ушли и оставили свой Город, свои дома, всю эту красоту другим людям и другим поколениям – нам.

А мы – что? Мы с трепетом разыскиваем и рассматриваем их старые записи, открытки, фотографии, с волнением читаем их письма и

поражаемся их удивительной утонченности и духовному богатству, их понятиям о чести и достоинстве.

Мы бродим по с детства знакомым нам улицам: Лермонтовской, Паскевича (Махарадзе), Ртищевской (Джапаридзе) и сворачиваем налево на "нашу" Бебутовскую (ул. Энгельса).

Вот и Силиковский особняк, где я вырос и провёл самые дорогие мне годы в окружении близких мне людей. Он навсегда остаётся в моём сердце, и никакие замки и знаменитые на весь мир дворцы не могут с ним сравниться по своей теплоте.



Почти сто лет назад этот дом часто посещали мой дед Василий Каграмонович Осипянц со своей юной супругой Елизаветой Иосифовной Мелик-Алахвердовой.

На Эриванскую площадь (пл. Ленина) мы выходим по Гановской улице (Табидзе). Прогулка по местам предков завершена. Нет слов, чтобы выразить все свои чувства и добрые слова этому незабываемому району Сололак и этому Городу – гостеприимному и щедрому. Для меня он – родной и единственный в своём роде, и я говорю тихо: "Будь же благословлён, милый добрый Тифлис".

Вечером я спросил у Ноны, знает ли она, где находился скаковой круг в Дидубе, и был удивлён её молниеносной реакцией.

– Конюшни, что ли? Так они за нашим домом. Я покажу тебе вечером, и ты сможешь их сфотографировать на память.

Круг в Дидубе – за нашим домом! В это трудно было поверить. Круг в Дидубе – место, где в царское время летом устраивались большие

манёвры. Стягивались многие известные драгунские полки, а иногда и вся дивизия. Становились биваком около круга. Разбивались палатки. Начинались горячие кавалерийские учения и манёвры. Занятия проводились, как правило, до обеда, так как нестерпимая жара не позволяла их проводить дольше, и всё замирало до вечера. Рядом Кура и сады. Домов тогда здесь не было и в помине. Принимали ли в этих манёврах гренадёрские полки – не знаю.

Одно только могу сказать, юнкера Михайловского пехотного училища проходили кавалерийскую школу на скаковом кругу в Дидубе, а значит, и юнкер Василий Осипянц обучался верховой езде именно здесь.

Основное здание круга, сохранившееся до наших дней, выходит на проспект Церетели. Оно – небольшое, двухэтажное, выполненное в форме круга с покатым серебристым куполом. По четырём углам – башенки со шпильями, сверкающими серебристой чешуёй. Поодаль – несколько облезлых корпусов. Это, по всей вероятности, казармы.

Неожиданное открытие, и буквально за углом. Моя мама долгие годы работала и жила так близко от места, где когда-то учился верховой езде её "папа", и даже не подозревала об этом.

Случайно ли, но очень часто мы оказываемся на тех местах, где бывали наши предки. Как всё в мире загадочно и непонятно!

Тбилисцы – люди особенные. Сколько в них сердечности, природной тонкости и благожелательности. С каким пониманием они относятся к любым моим начинаниям и поискам. Они приходят ко мне, чтобы помочь, передать какую-нибудь частичку своих знаний и воспоминаний, наконец, просто чтобы повидаться и поддержать меня.

С раннего детства я был обласкан людьми этого замечательного и гостеприимного Города и пронёс любовь к ним через всю свою жизнь. Эти люди одухотворены красотой своего Города и воспитаны его культурой.

Они живут в этом большом солнечном Городе, они - часть его души и горды этим.

Кого только я не повстречал во время своего последнего посещения Города: Женю Родскую, семью Сараджевых, Ватулика и Иветту Феофелактос, Софу и Нину Байбухашвили, Витю Сулаберидзе, Теймура Церетели ... Всеми был не забыт, согрет их вниманием и чуткостью.

Теймур Церетели, мой друг детства и сосед по Силиковскому дому, провёл у нас несколько часов, вспоминая вместе с нами прошедшие годы и рассказывая весёлые истории из своей жизни. Время от времени он прерывался и просил:

– Давайте ещё поговорим о нашем славном доме, где мы выросли, вспомним соседей.

На мою просьбу о встрече немедленно отозвался и профессор Андрей Николаевич Мучаидзе. Выслушав внимательно, чем конкретно я интересуюсь, он передал мне для работы совершенно бескорыстно рукопись своей ещё неопубликованной книги "Развитие почтовой связи в Закавказье" вместе с фотографиями Старого Тифлиса. Это был щедрый подарок!

Витя Сулаберидзе, двоюродный брат Ноны по отцу, специально приехал навестить меня. Он поведал всё, что знал о Михайловском юнкерском училище, расположении корпусов и внутреннем убранстве. Нарисовал даже схему этого закрытого военного заведения. Ведь он там учился при Советской власти.

Я был ему бесконечно благодарен и тронут его помощью. Нашу семью он знает с детских лет. Он был младше меня года на два, но игры со мной доставляли ему столько радости, вызывали такой детский восторг, что мы забывали о времени. В такие дни он со своей мамой Женей Сулаберидзе нередко оставались у нас ночевать.

Прощаясь, он ещё раз напоминает:

– Обязательно пройдите на Великокняжескую улицу (Камо) и сфотографируйте боковой фасад и ворота. Они сохранились с дореволюционного времени.

Удивили и покорили меня и друзья моей племянницы Леночки, совсем ещё молодые люди Шотико, Нино, Фреди и Лиза. Они предлагали свою помощь, поездки за город и своё участие. Лиза не забыла даже мой прошедший день рождения, чем окончательно очаровала меня.

Низкий вам всем поклон, дорогие мои друзья тбилисцы.

Я пристаю к Ноне с вопросом:

– Куда девались курды и персы? Их совсем не видно в Тбилиси.

Во времена моего детства их было так много. Женщины курдов носили тогда яркие многоцветные широкие юбки до пят и косынки на голове. Они занимались уборкой улиц. А мужчины с густыми висячими чёрными усами, в чёрных наглухо застёгнутых костюмах работали грузчиками, "мушами". Они перетаскивали на своих спинах любую мебель вплоть до рояля.

На Майдане в маленьких фруктовых и овощных лавках важно восседали персы с крашеными в красный цвет бородами и ногтями. Они никогда никого не зазывали и делали вид, что в торговле совсем не заинтересованы.

Все эти люди создавали неповторимый колорит Города. Пёстрая суetyщаяся толпа, шумная, крикливая весёлая публика и повсюду непонятная разноголосица, а то и смесь грузинской, армянской, русской, персидской и татарской речи.

– Так, куда же девались персы? – повторяю я свой вопрос, и Нона, утомлённая жарой и моими дурацкими вопросами, скороговоркой отрезает, желая отделаться от дальнейшей беседы на эту тему:

– Все они давно уехали.

Мне было жаль, что Город потерял частицу своей азиатской составляющей и своего многоцветия. Однако я не терял надежды, и мы всё-таки встретили курда в Тбилиси.

Это был водитель такси, согласившийся подвезти нас с Майдана до нашего дома в Дидубе. Он был словоохотлив. На мой вопрос, какой он национальности, что так хорошо владеет русским языком, он ответил:

– Езид, – и, немного помедлив, пояснил, – мы езиды. Мы поклоняемся солнцу. Курды, если хотите.

– А где же ваши женщины, которые раньше носили цветные широкие юбки?

– Это время кончилось. Они носят теперь обычную городскую одежду, а свои цветные юбки запрятали в сундуки.

– Ну, а куда девались персы? – спросил я на этот раз его.

– Персы, не знаю. Наверное уехали в Иран, когда это стало возможным.

Да, люди стремятся попасть на Родину, в родные места. Их трудно удержать.

Вот уже несколько дней в Тбилиси неопишуемая жара. Воздух раскалён до предела, повсюду пышущий огнём жар солнца. В такие дни Город вымирает, и очень немногие отваживаются гулять. Люди притаились во внутренних комнатах. Освобождение приходит только к вечеру.

Но что же нам делать? Не терять же времени даром. Мы выходим пораньше, чтобы зной не застал нас в середине дня, когда жара невыносима.

Сегодня мы направляемся на Головинский проспект (пр-т Руставели). Проходим Кадетский корпус, здание Оперного театра, бывшую гостиницу Мажестик (Тбилиси) и спускаемся вниз по Барятинскому спуску на Сапёрную улицу (Дзnelадзе). Нона не знает, куда

я её веду, но я прекрасно помню это место. Меня приводили сюда мама и бабушка. Они поднимали меня, трёхлетнего мальчика, на высокий парапет ограждения, чтобы я мог увидеть внизу плац и строгое старинное здание вдоль него. Крепко удерживая меня обеими руками, они показывали мне этот корпус и шептали на ухо:

– Запомни. Здесь служил твой дедушка.

Как же им хотелось, чтобы в моей памяти всё сохранилось. Не зря ведь они знакомили меня с самыми сокровенными для них уголками Тифлиса, связанными с жизнью дедушки.

Память сохранила всё до мельчайших подробностей, и я остаиваюсь на том же самом месте.

– В том здании внизу находился, видимо, штаб 15-го Гренадерского Тифлисского полка и один из его батальонов. Здесь служил наш дедушка, – сообщаю я Ноне.

Я делаю несколько снимков. Нона меня торопит и нервничает:

– Со стороны могут подумать, что мы шпионы. Мы всё время фотографируем военные объекты.

В какой-то мере она была права. Но что мы могли поделать? Все военные учреждения Царской России переходили по наследству Советской, а затем Грузинской власти. В юнкерском пехотном училище при большевиках разместилось Тбилисское артиллерийское училище (ТАУ), теперь там новое грузинское военное ведомство.

Здание на скаковом кругу занимает полицейское общежитие. В штабе Кавказского военного округа на Эриванской площади (пл. Ленина) – тоже военное учреждение, на Сапёрной улице (Дзnelадзе) – полицейское управление. Кадетский корпус на замке, туда не войти. Офицерского собрания (клуб им. Ворошилова) больше не существует.

И всё же мы фотографируем многие памятные места, хотя это связано с определённым риском.

Единственное безопасное для осмотра здание – это Храм славы на Головинском проспекте (пр-т Руставели), сейчас картинная галерея. Многим людям даже в голову не может прийти, что до революции сюда нередко заходили офицеры Царской армии, чтобы поклониться героям и полководцам кавказских войн. На фасаде остались лишь пустоты от 10 медных плит, на которых прославлялись величайшие кавказские битвы и сражения. Только голые пустоты – всё, что сохранилось от Храма славы. Жаль!

Надо возвращаться домой и переждать жару до следующего утра. Солнце начинает припекать.

Старое Кукийское кладбище, хотя и находится недалеко на холме за железнодорожным вокзалом, но – безлюдное и мало посещаемое. Одним ехать и искать утерянную могилу дяди Миши – опасно. Поэтому мы решаемся поехать туда большой компанией. Нас сопровождает друг Леночки Фреди, молодой широкоплечий грузин. Он будет оберегать нас на пустынном кладбище. Итак, нас пятеро: я, Нона, Леночка, Фреди и девятилетний Георгий – сын Леночки. Ему не сиделось дома. Мальчик хотел участвовать и помогать нам в поисках. Для него это целое приключение.

Джип Фреди поднимался на вершину холма с большим трудом. Дорога узкая и крутая. Временами на поворотах мне казалось, что мы вот-вот покатаемся обратно. Но нет, всё обошлось. Добрались.

Перед нами за оградой возвышается православная церковь. Цепочкой входим на кладбище и, не останавливаясь, поворачиваем налево к старым захоронениям.

Найти могилу через 50 с лишним лет после последнего посещения – задача не простая, почти безнадежная. Старая часть кладбища сильно заросла кустарником и сиренью, и приходится с трудом продираться от одной могилы к другой. Некоторые ограды заполнены наполовину землёй,

мусором и пылью. Разглядеть надписи невозможно. Надгробные плиты, покрытые слоем грунта, не выдают имена усопших.

Маленький Георгий стоически выдерживает все трудности нашей операции и не отстаёт от меня. Вместе со мной он протискивается в самую глубину захоронений и пытается помочь мне прочитать надгробные надписи. Он понимает, как это важно для меня. Мы искали в течение двух часов, кружились над предполагаемым местом, всё безрезультатно. Было трудно дышать раскалённым и пыльным воздухом. Нет, ничего нет! Никаких признаков знакомой надписи:



*Михаил Васильевич Осипян  
1904-1936*

Могила была утеряна навсегда. Мы не смогли найти могилу дяди, которого так любила вся семья. Дальнейшие поиски были безнадежны.

Молча спустились вниз с Кукийского холма. Я попросил Фреду остановиться у церкви на Николаевской улице (ул. Калинина). Внутри у большой иконы распятого Христа я зажёл свечу за упокой души дяди. Неудача взволновала меня, переживания пронзили всё моё существо. Было трудно дышать, ком подкатил к горлу и слёзы накатились на глаза.

– Мама, милая мама, бабушка, – шептал я, – Простите меня. Я не выполнил то, что так хотел. Не сумел, да и никогда не сумею уже найти могилу Миши. Простите меня...

И только одна мысль утешала. Мы были рядом с его могилой. Бродили вокруг. Значит, мы приходили к нему.

Мы навестили и поклонились его праху. Он не забыт. Его будут помнить следующие поколения семьи.

Вечером того же дня меня охватило, однако, полное отчаяние. Произошло крушение моей надежды. Первое поражение, а ведь была ещё идея посетить Армению и попытаться разыскать следы и место гибели моего деда. Мучительно переживая неудачу, я взволнованно говорил сестре:

– Куда я поеду? Где буду искать могилу деда через столько прошедших лет? В Тбилиси мы были совсем рядом и ничего не смогли обнаружить. Что же будет там в Армении? Никто ведь даже не откликнулся из Армении на наши запросы о его судьбе: ни журналисты, ни архив, ни президент. Я бессилён что-нибудь сделать. Надо возвращаться в Москву, смириться и прекратить поиски.

Нона успокаивала меня, как могла. Она думала, как помочь мне. И она нашла решение.

– Мы увековечим всех родных на нашем семейном захоронении на Сабурталинском кладбище. Мы устроим мемориал на северной торцевой стене могилы и установим всем мраморные плиты. Вся семья будет вместе.

За дело взялись на следующий день. Заказ наш был принят со сроком исполнения десять дней. Дни пролетели быстро, и вот под вечер мы уже идём с цветами к знакомой могиле нашей семьи.

Нестерпимая жара и нещадно палит солнце, но я не замечаю этого. Я иду полный сил, с надеждой увидеть то, о чём мечтал. Иду туда, чтобы поклониться моим родным, положить цветы и попрощаться с ними.

Кто знает, вернусь ли я сюда ещё раз? Я аккуратно записываю местонахождение могилы, дабы она не была утеряна в следующем поколении:

" Всё время идти прямо по главной аллее, потом подняться на холм и вниз. Далее повернуть налево меж двух оград из железных невысоких

столбиков. Пройти пять больших прямоугольных могил. Шестая – наша: у ближнего края рядом с могилой растёт ель".

Мемориал был готов. На торцевой стене блестели три мраморные белые плиты с именами моих родных, погребённых по тем или иным причинам в разных местах: моей мамы, бабушки и дяди Миши.

Центральная плита чуть больших размеров. На ней высечены Георгиевский крест и надпись:

Полковник  
Василий Осипянц  
1869-1918  
Кавалер Георгиевского оружия  
Погиб на турецком фронте



Все надписи сверкают золотом. Семья теперь была вместе. Мы объединили родных. К ним вернулся их "папа", которого они так ждали при жизни.

Я молча кладу цветы, кланяюсь и говорю:

– Прощайте, мои дорогие и любимые. Вечная вам память.

Душа радовалась, когда я покидал кладбище.

– Наверное, – думал я, – ближе к ночи, когда всё стихнет и уступит место тишине и прохладе, замолкнут птицы, не слышно будет ни единого звука и серебристый мрак ночи опустится на Сабурталинский холм. И вот именно тогда души моих родных спустятся с небес на общую могилу вместе с белоснежными ангелами. Как же будут рады они своему воссоединению. Они будут переговариваться и беседовать, но особенными, нежнейшими голосами, будут вспоминать ушедшие годы и свою жизнь, а маленькие ангелы-хранители души всё это время будут напевать им их любимые мелодии".

Я поделился с сестрой своими мыслями.

– Не говори чепухи, – отрезала она.

Она не была романтиком, и картины моего воображения её утомляли. Я не стал убеждать её. Пусть мои грёзы останутся со мной. Они мне помогают жить в нашем ставшем таким жестоким, диким и скучным мире.

Я очень рассчитывал на встречу с Эльзой Степанян. Она – внучка Розы, родной сестры моего деда Василия Осипянца. Её отец Арутюн знал и любил своего дядю Василия Каграмоновича. Мы – близкие родственники, хотя никогда друг друга не видели.

И она пришла. Её простота и доброжелательность создали семейную обстановку, и мы с удовольствием беседовали. Общительная и словоохотливая Эльза поделилась со мной всем, что знала.

– Мой отец был сыном Розы. Она не просто любила своего младшего брата, она его боготворила, а её сын – мой отец Арутюн всю жизнь рассказывал нам, детям, о своём необыкновенном "дяде Васе", подробности их встреч в Нухе и Тифлисе. Он им очень гордился и часто показывал его фотографию с женой и двумя детьми. Мы мало что запомнили из его рассказов. Прошло столько времени. Отец умер в 1981

году. Прошли ведь годы. Не сохранились ни фотографии "дяди Васи", ни письма.

– А как вы узнали о гибели Василия Каграмоновича, – спросил я Эльзу.

Она немного смутилась и продолжила:

– Я смутно помню. Папа говорил, что эту страшную весть принёс солдат с Турецкого фронта. Мои родные тогда проживали в Тифлисе на ул. Панасевича, и он пришёл именно туда. Для папы – это был тяжёлый удар.

Было что-то недосказанное в её ответе, но я не придавал этому значения. Мы прощались с Эльзой очень тепло. Я сфотографировал её вместе с Ноной. Это было историческое событие. Две внучки Василия Осипянца, которые его помнили, но никогда не видели, встретились впервые через годы после его гибели.

Две внучки: одна – правнучка Софьи Мелик-Алахвердовой, а другая – правнучка Каграмона Осипянца. Судьба вновь свела потомков этих нухинских фамилий.

Мы поднимаемся по стёртым от времени ступенькам к Армянской Апостольской церкви "Сурб Геворг" (Св. Георгия) на Майдане. По этой лестнице в течение нескольких десятилетий поднималась и моя бабушка. Дедушка Василий Каграмонович Осипянец посещал Военный собор на Головинском проспекте (пр-т Руставели), хотя не исключаю, что в этом Армянском храме они нередко бывали вдвоём.

Мы входим в прохладу и полумрак внутреннего убранства церкви, и я обращаюсь к служащей с вопросом:

– Не здесь ли находятся могилы Лорис-Меликова и Лазарева?

Она оживилась и любезно повела нас на церковный двор, повторяя:

– Здесь, здесь все они покоятся.

Перед храмом за высокой железной оградой расположены четыре плиты из чёрного мрамора с именами выдающихся генералов Царской России. Женщина распахнула калитку, чтобы было удобно прочитать их имена.

граф М.Т. Лорис-Меликов  
ген.-адъютант И.Д. Лазарев  
ген.-лейтенант А.А. Тер-Гукасов  
ген.-майор Б.М. Шелковников

Могилы были ухожены. Вокруг росли цветы. Их не забыли, как многих других, и я был рад этому.

Служащая церкви была настолько внимательна к нам, что я невольно разговорился.

– Я хожу по местам моих предков. Много лет назад сюда приходила моя бабушка, а дедушка, полковник Царской армии, погиб под Александрополем в 18-м году, защищая армян от турецкого вторжения. Где его могила – неизвестно.

Женщина опустила глаза и промолвила:

– Царство ему небесное.

Мы попрощались. "Пусть, – думал я, – о нём не вспоминают в Армении. Здесь на этом маленьком островке армянской земли за оградой Армянской церкви простая армянка нашла и сказала такие верные слова: "Царство ему небесное!"

Надо было сделать ещё что-то очень важное, и я повернул назад, чтобы поставить свечку в этом святом месте. Среди других горящих огоньков загорелась и моя свечка за упокой души дорогих моему сердцу близких. Я не крестился. Я говорил про себя им ласковые слова, вспоминая бабушку, которую так любил, и дедушку, которого никогда не видел.

Я повторил несколько раз слова той женщины: "Царство вам небесное!" и тихонько вышел из церкви.

Моя поездка в Тбилиси была завершена, и я возвратился домой в Подольск. Сделано было немало. Мы создали мемориал родным, и это безусловно радовало. Память о них не исчезнет бесследно. Прояснить судьбу и обстоятельства гибели деда так до конца и не удалось.

Я было уже смирился окончательно с версией его гибели под Александрополем, когда были получены новые документы по Интернету. Они меня буквально потрясли.

Дашнакское правительство Армении в своём сообщении о восстановлении Армянской Государственности и провозглашении Армянской республики в 1918 г. затрагивало военные действия на севере Армении вокруг Караклиса:

"Был разработан план действий против турок и в районе Караклиса. Приказом командующего корпусом Назарбекова была сформирована группа войск под командованием полковника Бей-Мамиконяна. В группу входили 1-4 полки армянского корпуса под командованием полковников Осипяна, Гамазяна, Самарцева, Алабяна и конный полк под командованием А. Мелик-Шахназарова. Под командованием полковника Николая Корганова был организован двухтысячный особый конный отряд..."

"Четыре дня продолжались бои за Караклис (ныне Ванадзор), который турки заняли, имея ощутимый перевес".

Далее читаем у И. Х. Баграмяна:

"Именно с 24 по 28 мая здесь развернулось по-настоящему упорное Караклисское сражение, в ходе которого армянским войскам удалось отбросить противника от Караклиса в сторону Амамлу на 4-5 километров. Турецкое командование вынуждено было подтянуть на этот участок

главные силы своей 9-й дивизии, чтобы приостановить дальнейшее продвижение армян, а затем возобновить наступление на Караклис."

И хотя туркам удалось одолеть Назарбекова и взять Караклис, они понесли значительный урон. Сражение под Караклисом несомненно сыграло решающую роль в осуществлении победоносной Сардарapatской битвы.

И. Х. Баграмян пишет далее:

"...я не раз слышал от участников боёв под Караклисом о большой воинской доблести, которую проявили наши войска на этом направлении".

"Здесь можно сослаться на оценку, которую дал армянским войскам никто иной, как сам главнокомандующий турецкими войсками на Кавказском фронте Мамед Вехиб-паша. Вот что он говорил по этому поводу: "Это была редкая битва в истории войн... Под Караклисом армяне показали, что они могут быть лучшими солдатами мира".

По этим документам видно, что мой дед полковник Василий Осипянц не погиб в Александрополе. Он отошёл вместе с корпусом Назарбекова к Караклису и участвовал в этих кровопролитных боях.

Последним документом был тот, которого я так боялся. Это был отрывок из доклада начальника Армянского информационного бюро о насилиях, учинённых турецкими войсками над военнопленными от июля 1918 года:

"После отступления отряд воинов-армян, около 2 тысяч чел., среди которых были полковники – Осипянц, Владимиров, Корганов, подполковник Кобылевский и др., прибыл на станцию Санаин. Ввиду того, что дороги к Тифлису и Эривани были закрыты турками, командиры решают распустить отряд, предоставив каждому самостоятельно решать свою судьбу. Отряд разбивается на группы: одна во главе с полковником Коргановым направляется на Дилижан по горам; другая во главе с полковником Осипянцем и подполковником Кобылевым держит путь по

направлению к селу Шулаверы; третья группа во главе с полковником Владимировым направляется в село Алаверды.

Судьба первой группы точно неизвестна; вторая группа была вся перебита турецким отрядом конницы в селе Чанахчи при следующих обстоятельствах. Отряд под командованием подполковника Кобылевского, командира отдельной конно-горной батареи, в количестве 150 чел. прибыл в ненастную погоду в село Чанахчи. Село в ожидании турок было эвакуировано и оставались только старики. Пока местные жители-армяне убеждали воинов уйти в лес, т. к. ожидалась турки со стороны Ахкерпы (село), появился отряд турецких оувари в количестве 105 человек. Отряд вёл с собой человек 30 армян-воинов, пленённых в Ахкерпы.

Кобылевский устроил совещание для разрешения вопроса о сдаче или сопротивлении... Отряд сдался, и по обезоружении все пленные были загнаны в конюшню...

Поздно ночью в конюшню явились турки и частью выводя, частью же на месте начали холодным оружием истреблять пленных. Таким образом все пленные были перебиты. У некоторых турки сняли новое обмундирование и оделись сами, уходя в два часа ночи, они подожгли конюшню. После их ухода жители села Чанахчи потушили огонь и открыли двери. В живых остались два раненых солдата, переживших эти ужасы...

Начальник информационного бюро штабс-капитан (подпись) ЦГИА Арм. ССР, ф. 68 (200), д. 609, л. 20-21".

Это случилось, очевидно, 28-29 мая 1918 года. 30 мая была провозглашена независимость Армении, а 4 июня Армения заключила с Турцией договор "о мире и дружбе".

Полковника Василия Осипянца уже не было в живых.

"Господи, всё пропало, он попал в плен и был казнён, – меня охватило сильное волнение, – почему ему пришлось пережить эти муки:

глумление, издевательство и звериную жестокость в последние часы своей жизни. Турки уничтожали офицеров с особой жестокостью... Звери..."

Я никак не мог успокоиться. Моё воображение рисовало страшные картины резни беззащитных офицеров, среди которых был и мой дед. Я был на грани нервного срыва.

Я позвонил Ноне в Тбилиси.

– Нона, Нона, случилось то, чего я так боялся, – взволнованным голосом кричал я в трубку, – дед был пленён турками, и это свидетельство у меня в руках. Они уходили от Караклиса в сторону Грузии, и в селе Чанахчи их настигла турецкая конница.

Я продолжал пересказывать ей страшные подробности, когда она неожиданно прервала меня.

– Не мучайся, прими успокоительное. Он застрелился. Мы не хотели тебе об этом говорить летом. В семье Эльзы это было известно с 18-го года. Тот солдат с Турецкого фронта был очевидцем его гибели. Наш дед никогда бы не сдался в плен туркам.

Если верить, что так всё и произошло, тогда полковник Василий Осипянц не нашёл другого выхода. Он сражался за свободу и независимость Армении и жизнью, как подобает офицеру, заплатил за это. Позор отступления и сдачи в плен пережить не мог. Место его гибели – село Ахкерпы или село Чанахчи, 70 км от Тбилиси, там должна быть и могила.

О нём забыли и Дашнакское правительство и власти современной республики Армения, армянские историки и журналисты. Ничего не ответил и их президент. Бог им судья, Он их рассудит!

Его помнят другие. Его помнит славный офицерский корпус Царской армии и доблестное Белое воинство. В альбоме "Кавалеры ордена Св. Великомуч. и Победон. Георгия и Георгиевского оружия", изданном в Белграде в 1930 году, на стр. 178 его имя – полковника Василия Осипянца.

В скромном Храме славы 81-го пехотного Апшеронского императрицы Екатерины Великой полка в Нью-Йорке бережно хранятся полковые реликвии. На стенах фотографии героев-апшеронцев, прославивших полк своими подвигами. Среди них фотография моего деда, кавалера Георгиевского оружия Василия Осипянца. Его там помнят. На страже знамени бесценно стоят часовыми внуки и правнуки Белых рыцарей Апшеронского полка. Никогда не забудем его и мы, его внуки и внучка. Его имя для нас свято.

Его любили родные. Его жена и дети сохранили любовь к нему до конца дней своих и передали её нам. Теперь его любим мы. Когда нас не станет ЛЮБОВЬ к нему не исчезнет, ведь ЛЮБОВЬ не умирает. Она вечная, от Бога.

## Послесловие

По последним архивным документам, предоставленным мне Армянским Национальным Архивом, полковник В.К. Осипянц попал в плен к туркам и был казнен вместе со своими боевыми товарищами в селе Чанахчи. В этом теперь не было и тени сомнения. Семейное предание, что он застрелился, оказалось легендой.

Армения торжественно отметила 90-летнюю годовщину майских побед армянских войск 1918 года. Благодаря неустанным поискам и скрупулёзной работе сотрудников Армянского Национального Архива возвращены многие имена героев тех кровопролитных сражений. Имя моего деда, полковника Василия Осипянца, заняло достойное место среди других офицеров отдельного Армянского корпуса, сражавшихся за свободу и независимость армянского народа.

Газета «Голос Армении» опубликовала прекрасную проникновенную статью Левона Микаеляна «Василий Осипянц, кавалер Георгиевского оружия». Она написана с такой теплотой и уважением к личности моего деда, что мне хочется привести выдержку из неё:

« Мы убеждены: вернутся все имена, и память обо всех героев будет увековечена. Ведь армянское государство, за создание и сохранение которого они отдали свои жизни существует. И будет существовать до тех пор, пока будет помнить и воздавать должное своим героям и героическому прошлому».

## Оглавление

Вместо предисловия.....	4
Глава I. Нуха.....	16
Глава II. Юнкерское училище.....	24
Глава III. Урочище Белый Ключ.....	34
Глава IV. Снова Нуха.....	46
Глава V. Тифлис.....	56
Глава VI. Владикавказ.....	67
Глава VII. Война.....	79
Глава VIII. Усмань.....	93
Последние поиски и находки.....	113
Послесловие.....	143